

ПРЕДМЕТ ВОЖДЕЛЕНИЯ № 1

ПОСТОЯННОЕ НАПРЯЖЕНИЕ, БЕШЕНЫЕ ГОНКИ И
РАЗВОРОТЫ СЮЖЕТА «ОТ ЛИТВИНОВЫХ» ЧИТАТЕЛЮ
ГАРАНТИРОВАННЫ.

«КОСМОПОЛИТЕН»

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА } АННА И СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы

Предмет возжеления № 1

Серия «Авантюристка», книга 5

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124386

Анна и Сергей Литвиновы Предмет возжеления №1: ЭКСМО; Москва;

2004

ISBN 5-699-05322-0

Аннотация

Таня Садовникова ликовала... Еще бы, о таком она даже и не мечтала: сам полковник Ходасевич, ее любимый отчим, обратился к ней за помощью. И ничего, что он попал в беду, она ему обязательно поможет, хотя противник у них, похоже, очень сильный... Несколько дней назад друг и бывший коллега Ходасевича, до сих пор работавший в ФСБ, попросил его посмотреть несколько старых дел об убийствах женщин. Но как только полковник начал нащупывать тоненькие ниточки, соединяющие эти дела, его друга убили, а за самим Ходасевичем началась настоящая охота. Похоже, они задели интересы кого-то на самом верху, и этот «кто-то» явно из силовиков. Поэтому к своим бывшим коллегам Ходасевич обратиться не мог. Пришлось просить о помощи Татьяну, любимую падчерицу и большую авантюристку. Татьяна решила действовать самостоятельно, на свой страх и риск. С этого момента ее жизнь висит на волоске...

Содержание

Глава 1	4
ШЕСТОЕ ИЮЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ.	4
ЗА ШЕСТЬ ДНЕЙ ДО ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ. ТРИДЦАТОЕ ИЮНЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК	33
Глава 2	53
ШЕСТОЕ ИЮЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ.	53
Глава 3	81
СЕДЬМОЕ ИЮЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК	81
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Анна и Сергей Литвиновы

Предмет вожделения №1

*Посвящается А. А. Каморину, подсказавшему
нам идею этой книги*

Глава 1

ШЕСТОЕ ИЮЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ. УТРО

Если не найдет ее – он погиб.

Только где ее искать – погожим летним утром в много-миллионной Москве?

Часы показывают начало двенадцатого. Солнце шпарит все ярче, асфальт дышит жаром.

На термометре у Центрального телеграфа плюс тридцать. А на небе – ни облачка. И вокруг – ни одного человека в костюме. Все ходят в легких брюках, гавайках, футболках. Молодежь – поголовно облачилась в шорты. Девушки и во-все разделись: мелькают голые коленки, в обнаженных пупках искрят блестящие камушки. А ему так жарко в плотных брюках и крахмальной рубашке...

Забыться бы – хоть на минуту. Прижаться щекой к запотевшей бутылке с ледяной водой. Или просто – присесть в тенек и отдыхать: долго, беззаботно, лениво.

Но расслабляться нельзя. Никого не волнует, что ты уже немолод, шалит сердце и врач строго сказал: «Нервничать вам запрещаю. Категорически». Если сейчас расслабиться – неизбежно проиграешь во времени. Кто знает, какие у НИХ возможности... Сейчас его не ведут, это точно. Он видел, он чувствовал: не ведут. Он от них оторвался.

Но что может случиться через полчаса? Он не знал. В голове до сих пор звучал голос Тамары.

Она кричала: «Они убили его, убили!»

...А в городе – все спокойно, будто и нет совсем рядом горя, предательства, смерти. По тротуарам текут разгоряченные толпы, посетители открытых кафе смакуют ледяное пиво и подтаявшее мороженое. Москвичи и те, кого называют «гостями столицы», стремятся в тень, в прохладу скверов.

Он подавил искушение присесть на скамейку. Одышка? Черт с ней, с одышкой... Нужно срочно звонить. Ей.

Только она сможет помочь ему. Только она.

Поэтому надо найти ее – где бы она ни была.

Он подошел к телефону, с трудом втиснул в кабинку грузное тело. Набрал знакомый номер.

«Привет всем, кто позвонил! Хотите поболтать? К сожалению, меня нет дома...» – сообщил веселым голосом автоответчик.

Он почему-то не сомневался, что в квартире ее не окажется: красивые девушки обычно не сидят дома в прекрасное летнее воскресенье.

Только бы она услышала, как звонит мобильник! А то веч-но: врубит в машине музыку на полную громкость и подпе-вает во все горло. Или забудет счет оплатить, или не поста-вит телефон на подзарядку...

Да, мобильник ответил так, как он и ожидал, и боялся: «Абонент не отвечает или временно недоступен». Отключи-ла, чтоб не доставали поклонники? Села батарейка? Или за-была аппарат дома, а сама умчалась? Ну не на работу же ей звонить воскресным утром...

Где она может быть? Примеряет очередную обнову в свер-кающих витринами магазинах? Завтракает в кондициониро-ванной прохладе ресторана? Сидит в модном кинотеатре?

А может, она на пляже? Или у кого-то из друзей на даче? Или поехала на Пироговку, гонять на водных мотоциклах?

Что толку гадать!

«Возьми трубку, девочка!» – приказал он бездушному те-лефону и снова набрал ее номер. «Абонент не отвечает...»

«Ведь у меня нет никого, кроме нее! В данных обстоятель-ствах – никого. При всех моих знакомствах и связях – я не могу сейчас обратиться ни к кому из знакомых. И не могу использовать ни одну связь. А от Юльки, Юлии Николаевны – толку никакого...»

Сердце закололо.

И он вяло, без крупинки надежды, набрал номер рекламного агентства «Пятая власть».

* * *

«На улице, наверно, сейчас хорошо. А если у фонтана сесть, да с ледяной минералкой... О, как меня достала эта работа!»

Уже год, как Татьяна Садовникова стала начальником. Креативным – то бишь, по-русски говоря, творческим директором рекламного агентства «Пятая власть».

Начальником ей быть нравилось. Кто возразит против кожаного кресла, заискивающей секретарши и кругленькой суммы в зарплатной ведомости?

Правда, вкалывать за эти деньги ей приходилось так, что иногда хотелось выкинуть кожаное кресло в окно и запустить в услужливую секретаршу мраморной пепельницей.

«Может, уйти мне с этой должности? – в который уже раз подумала Таня. – Сил ведь нет никаких... И времени ни на что не хватает. Зарплата неплохая – а по магазинам пройтись некогда. И в отпуск – тоже не съездишь. Шеф однажды сказал: «Ты, Садовникова, конечно, можешь ехать куда хочешь. Но без тебя агентство придется закрывать».

Приятно, конечно, что ты такая незаменимая, но ведь вчера весь день, всю субботу, на работе просидели. До позднего вечера! Нынче воскресенье. Конец выходным. И опять неиз-

вестно, во сколько уйдем...»

Но она, конечно, лукавила перед собой. Ей нравилось жить в темпе. Находиться под постоянным давлением. Ей нравилось много и хорошо работать. И получать за свой труд изрядные деньги.

Прошло три года, как Татьяна Садовникова снова – и, кажется, уже окончательно – осела в Москве. Три года минуло, как закончились ее головокружительные, невероятные, фантастические приключения. Порой – когда она вспоминала о них – ей казалось, что все это происходило не с ней.

Она редко вспоминала тот период жизни. Не знала почему, но – не вспоминала. И конечно, Таня никому о своих похождениях не рассказывала...

Но они, те события, часто являлись ей во снах. И выглядели в них еще более яркими, захватывающими, головокружительными. Такие сны ослепляли и поражали воображение. Так и хотелось с кем-нибудь поделиться своими тайнами. Или хотя бы записать их. Какой бы роман с продолжением получился! Какое кино можно было бы снять!

Но о многих своих приключениях Таня не смела рассказать, потому что была связана словом. О других не могла поведать, потому что обнародовать их – означало бы навредить кому-то из живущих людей... А некоторые истории из ее жизни были настолько невероятны, что, рассказывай, не рассказывай, – все равно не поверят. Заливаешь, скажут, Са-

довникова. Буйное воображение демонстрируешь¹.

Часть ее эскапад описал в газете «Молодежные вести» друг – журналист Димка Полуянов. Димка, которого она не раз спасала и который, в свою очередь, помогал ей... Но оттого, что Полуянов был ограничен объемами газетной полосы, получилось у него все как-то сухо, неярко, поверхностно...

У нее только и остались яркие картинки в памяти. А больше – ничего не было. Даже фотографий. Одни лишь уже изрядно пожелтевшие вырезки статей. Да воспоминания. Точнее, сны...

Вот уже три года Татьяна Садовникова вела добропорядочную жизнь работающей москвички.

Она не обогатилась за время своих многочисленных приключений. Не нашла тогда и своего принца. Да, она обрела на какой-то период милого, умного и любящего человека – Тома Харвуда. Но так вышло, что навсегда рядом с ним Татьяна не осталась.

Том хотел запереть ее на ранчо в Монтане. Чтобы Таня варила ему русский «боржч», штопала носки и слушала по ночам вой шакалов. Эдакая колоритная домохозяйка: красивая, стильная и к тому же русская. А работать в Америке ей, русскоязычному рекламисту, было негде. «Но если хо-

¹ Об этих и других захватывающих приключениях Татьяны Садовниковой можно прочитать в романах Анны и Сергея Литвиновых «Все девушки любят бриллианты», «Отпуск на тот свет», «Проигравший получает все», «Второй раз не воскреснешь», вышедших в издательстве «Эксмо».

чешь, Таня, ты можешь вступить в наш городской клуб защиты редких животных. Будешь ходить на собрания, собирать подписи в защиту безжалостно истребляемых тигров...» Нет уж, покорно благодарю!.. Она – не Брижит Бардо. Редких тигров, конечно, жаль, но собирать подписи в их защиту?.. И скучно, и главное – тиграм это вряд ли поможет. В общем, Таня уехала от Тома – и из Америки.

А потом – так же, как не получилось с Томом, – не сложилось у нее тихое бургерское счастье с русским банкиром Ваней Коломийцевым. Тем более что Ваня требовал от нее, в сущности, того же, что и Том. Посвятить себя дому и семье. Готовить ему на ужин рыбное филе. Гладить рубашки. Носить к телевизору чай с лимоном и медом. И, как апофеоз, – нарожать ему кучу ребятишек.

Том собирался заточить ее на ферме в Монтановщине – а Ваня в особняке в Малаховке. Невелика разница!

Нет уж. Татьяна Садовникова – девушка современная, образованная, независимая! Никакого постного счастья образца «*киндер-кирхе-кюхе*» в ее жизни не будет! То есть, возможно, будет – но не сейчас, а позже. Несколько позже. Когда она, может, до такого понимания счастья дозреет. Поймет, что пришла ее пора. Пора – гладить рубашки и вышивать. И, главное, найдется такой человек, которому ей захочется гладить рубашки и расшивать крестиком носовые платки.

А пока – нет уж, фигушки! Не дождетесь!

Татьяна, конечно же, сохранила хорошие отношения и с Ва-

ней, и с Томом – она вообще старалась поддерживать дружеские связи со всеми хорошими людьми, с которыми сталкивала ее судьба.

С Ваней они время от времени встречались, обедали или ужинали вместе. Тот, кстати сказать, за прошедшие три года сделал изрядную карьеру и дорос до председателя правления довольно крупного банка. Ездил на респектабельной «Ауди А8» и небрежно носил костюмы от Бриони.

С Томом Таня переписывалась по электронной почте. Он по-прежнему корпел в своей монтановской глуши – писал очередной роман.

Том даже однажды приезжал к Тане в Москву. С восторгом осматривал церкви и Третьяковку, восхищался русской кухней – все приговаривал: «Это вкю-усно!» Ужасался дикому дорожному движению, удивлялся, что никто в России не ездит на государственных такси, и дрожал, когда их с Таней везла раздолбанная «копейка» с лихим джигитом за рулем. Пришел в восторг от нашего цирка и красавиц-балерин. Научился ходить в ночной ларек за пивом.

И каждый вечер нудил: «Танешка, верньись ко мнѐ!»

Но никакого желания возвращаться в монтановскую глушь у Тани не возникало. Как не появлялось больше желания связать свою судьбу с кем бы то ни было еще.

Наверно, не годится она для брака. Или – не родился на свет тот мужчина, с которым она могла бы создать счастливую, равноправную семью. Хотя, должно быть, такой мужчи-

на еще и найдется...

Какие ее годы! Ей всего – двадцать семь! Это в девятнадцатом веке – или на худой конец в двадцатом – девушка в таком возрасте считалась вековухой. Но сейчас-то на дворе – век двадцать первый! Нынче везде и всюду в развитых странах – в Америке, во Франции и даже (наконец-то!) в России – девушки сперва собственную карьеру делают, утверждают себя как личности и профессионалы. А потом уж – замуж выходят, выют гнездышки, киндеров рожают...

Вот так Таня и утверждалась. Делала свою московскую карьеру.

Она ушла из западного сетевого многонационального агентства в нашу российскую фирму, занимавшуюся рекламой и пиаром. И дослужилась здесь до второго по важности лица – креативного директора, то есть человека, отвечающего за весь творческий процесс.

А еще как бы между делом (это, впрочем, со стороны казалось, что между делом, а фактически потребовало от Тани напряжения всех сил и воли) Татьяна защитила кандидатскую диссертацию. Получив «корочки», первым делом заказала себе новые визитные карточки – с указанием ученой степени. На презентациях-тусовках она раздавала визитки направо и налево и очень веселилась, когда мужики-шовинисты обалдело говорили: «Впервые видим, чтобы кандидатом наук была такая молодая, симпатичная блондинка!»

Теперь ее научная руководительница заводила речь о док-

торской, но Таня решила: «Нет уж. Все. Хлопот с очередной диссертацией – выше крыши, а прибыли – ноль. «Доктор филологических наук» на визитках – это, конечно, звучит еще лучше, чем *кандидат*. Да одна беда: *науки* больше не хочется».

Благо в Москве – такой яркой, современной, бурно растущей – было чем заняться, помимо сидения в библиотечных залах. Татьяна успевала играть в теннис, забредать с подругами в ночные клубы, ходить по магазинам (или, как это называется нынче, «заниматься шопингом»), кататься на лошадях, а летом – на водном мотоцикле.

Отдыхать, если получалось выбить хоть недельку отпуска, она ездила за границу: в Венецию, в Альпы, на Мальдивы. Благо ее напряженная работа оплачивалась как следует.

Татьяна сделала в своей квартирке ремонт (обозначаемый в рекламных объявлениях пошлым словом «евро»), поставила дома систему кондиционирования, обставила жилище на свой вкус: броско, но не безумно дорого.

Словом, сейчас, в начале двадцать первого века, у молодой москвички Тани Садовниковой было все. И всеми своими проявлениями нынешняя столичная жизнь ее вполне удовлетворяла...

Но иногда – не очень часто, но бывало! – ей являлись ночью изумительные сны.

Сны из ее прошлой жизни.

Вот она бежит, бежит во весь дух, спасается от человека

в черном... И хотя во сне ей угрожает опасность, ей страшно, зябко, боязно, – но почему-то одновременно хорошо... И все вокруг нее кажется таким ярким: и небо, и деревья, и облака...

А потом она просыпается, и у нее бешено колотится сердце, и не хватает воздуха, – но все равно после такого сна на душе у нее весь день весело и хорошо...

* * *

Вот и сегодня утром, в воскресенье, шестого июля, она проснулась от такого сна.

Сердце колотилось, а на душе было радостно. Татьяна немного полежала в постели, пришла в себя и пошагала в ванную чистить зубы и принимать душ. Нужно было спешить и настраиваться на «творчество». Потому что в офисе ждали ее отнюдь не приключения, а работа – рутинная, обыденная, хотя и называемая красивым словом «креативная»...

...В десять утра она уже входила в офис агентства «Пятая власть». Коллеги ждали ее в кабинете. Однако одна беда: в жаркий выходной день да еще после недели непрерывного мозгового штурма ни на какие свершения коллектив не вдохновлялся. Коллектив тосковал по пляжу в Серебряном Бору, по пиву и шашлыкам. Поэтому, вместо того чтобы фонтанировать идеями, творческие сотрудники несли от-

кровенную пургу. А времени оставалось катастрофически мало – всего-то до утра понедельника. И если они не придумают сегодня чего-то нового, оригинального – заказ, за который уже получен аванс, уплывет в чужие руки. А кусок-то – жирный, хороший, вкусный...

– Да, ребята... – бодро сказала Таня вслух. – Задача у нас, конечно, непростая. Но мы ее решим. Я вам обещаю.

Подчиненные – копирайтер Мишка Колпин и дизайнер Артем Пастухов – переглянулись.

– Да как мы ее решим?! – выкрикнул Артем. – Голова уже не варит! Всю неделю ведь пахали. И в субботу тоже. До десяти вечера!

– Асфальт и то легче укладывать! – подхватил Мишка.

– Сравнил... – усмехается Татьяна. – Подумаешь, асфальт! С ним все как раз просто. Заливай себе и заливай. Ответственности никакой, да и мозги отдыхают.

– Кстати, о мозгах, – пискнул дизайнер. – У меня, между прочим, уже блокировка сработала. Перегорели мозги. Не варят. Может, лучше завтра пораньше придем – и навалимся в едином порыве!

– Никаких завтра, – отрезала Таня. И, смягчая резкий тон, добавила: – Ну, давайте, последнее усилие! А, ребята? Сами знаете – в понедельник презентация. А что мы клиенту покажем?

Все трое с отвращением покосились на стену, увешанную эскизами.

Над этим заказом они работали всю неделю. И без толку. Ничего стоящего в голову так и не пришло. И сегодня – тоже не приходило.

Им поручили «продвигать» очередную разновидность пива. «Надо сделать такую рекламу, чтобы очереди выстраивались, – напутствовал их заказчик. – Чтобы молва о новом пиве разнеслась по стране как молния».

Хорошо, конечно, сказано. Образно. И аванс агентство получило немаленький. Только как прикажете этот заказ выполнять?

Вкус у нового пива самый обычный, и стоит оно не дешевле, чем у конкурентов... Но заказчик по этому поводу сказал просто: «Это я и сам знаю. Но рекламщики – вы, а не я. Это вас в институтах учили, как людей дурить. Вот и дурите».

В общем, сложный заказец... А такие в рекламном агентстве «Пятая власть» брала на себя лично Татьяна Садовникова.

Приходилось отрабатывать кабинет с секретарским предбанником. И за настоящую кофеварку (в отделах стояли обычные электрические чайники) – расплачиваться.

«Раз уж я сижу тут целыми днями – надо хоть властью злоупотребить!» – подумала Таня. Нажала кнопку селектора: – Наташенька, будь добра, кофейку!

Секретарша Наталья – работать в выходной ей тоже, естественно, не нравилось – буркнула:

– Опять кофе? Позеленеете, Татьяна Валерьевна...

Таня в ответ только вздохнула: подчиненные имеют право *бурчать*. И только начальник всегда должен быть свежим, благожелательным и справедливым.

– Пожалуйста, Наташа, – вежливо попросила она. – Мы очень ждем.

И отключила селектор, не дожидаясь, пока секретарша начнет ворчать, что с «этими пивными посиделками недельный запас кофе извели».

– Может, назовем его *народное пиво*? – безнадежно предложил Михаил.

– Было уже «народное», – вздохнула Таня. – И потом, какое ж оно народное, если стоит почти как настоящее чешское...

– Тогда назовем его «*пиво для всей семьи*», – высунулся Артем.

– Ага, – поддакнул Миша. – И текст напишем: «*Наше пиво особенно поможет дедушке с болезнью Альцгеймера*».

– «*А грудничкам его можно добавлять в яблочное пюре*», – подхватил игру Артем.

– Н-да-а... – вяло протянул Михаил.

Однако Артем все-таки стал развивать свою бредовую, прямо скажем, идею. Татьяна его не прерывала. Она знала, из какого сора порой вырастают гениальные рекламные ролики.

– Может, такую картинку нарисуем... Семья сидит за столом... Центр композиции – огромный самовар. Только на-

полнен он не кипятком, а пивом! И пьют его – из чайных чашек.

«Полный маразм», – подумала Таня. Но вслух свой приговор не огласила: дизайнеры – народ обидчивый. Сказала мягко:

– К сожалению, не прокатит, Тёмчик. Пиво – и самовар... Ледяное и горячее... Несочетаемые ассоциации... Хотя... Вся семья дружно пьет пиво – в этом что-то есть...

– Может быть, оттолкнемся от чего-нибудь типа: «*Выпил пива – зажил красиво*»? – высунулся Михаил.

– А закончим так, – буркнул Артем, – «*Выпил водки – заел селедкой*».

Таня старалась не впасть в отчаяние. Не имеет она права сдаваться! Это ведь ее работа – решать такие задачки. На первый взгляд – неразрешимые. И нужно биться до последнего... Она собрала волю в кулак и сказала:

– Хорошо. Давайте от противного пойдем. Исключим все то, что уже было. Пиво для друзей, пиво для компании, пиво для отдыха...

– С утра выпил – весь день свободен, – прокомментировал Артем.

– *Я сторонник старых схем: выпил пива – нет проблем!* – продекламировал Миша. Он тоскливо посмотрел на начальницу: – Может, разбежимся?

Артем подхватил:

– Гений ведь по заказу не работает! Вдруг нам ночью ка-

кая идея в башку взбредет...

Таня проигнорировала его мольбу.

– А что, если так: «Утро, вечер, день иль ночь – пиво гонит беды прочь»? – спокойно предложила она. – Знаете, такой же подход, как в рекламе обезболивающих средств. Болит у мужика голова – он аспирину жахнул и расцвел. А у нас таким анальгетиком будет пиво...

Миша задумчиво смотрел в сторону – кажется, он уже «отключился». Зато дизайнер – Таня знала, каждую ее реплику представляет визуально – загорелся:

– А в этом что-то есть! Ряд картинок: одинокая девушка, бабуля с ревматизмом... даже щенок, которому лапу прищемили. Морды у всех грустные-грустные... И тут им – по бокальчику пива! И они расцветают!

Таня внимательно слушала дизайнера. А картинку, когда щенку наливают в блюдечко пиво, даже увидела перед глазами... Пожалуй, если сосредоточиться... и со всех сторон покрутить эту идейку... из нее может выйти толк.

Запищал селектор. Таня досадливо нажала кнопку приема. Просила же Наташку, чтоб не сбивала с мысли!

– Ну что еще там? – недовольно спросила она.

И мимолетно подумала, что тон у нее – точь-в-точь как у директора клуба из плохих советских фильмов.

Секретарша виновато сказала:

– Вы просили ни с кем не соединять, я помню... Но тут звонит господин Ниро Вульф. Говорит, что это очень срочно.

Мишка с Артемом дружно фыркнули.

Таня нахмурила брови. Велела сотрудникам:

– Давайте пока работайте! Пробный слоган, пробный эскиз... И сняла трубку:

– Привет! Что это ты мою секретаршу пугаешь?

Артем с Мишей напряженно прислушивались к разговору. На их лицах читалось: «Вот те раз! Оказывается, у грозно-холодной Татьяны есть какой-то Ниро Вульф... Кто бы мог подумать... И почему он, интересно, Ниро Вульф? Такой же толстый, что ли?... Или – такой же умный?»

Подчиненные мгновенно забыли про пивной заказ и во все глаза наблюдали за Татьяной. На их лицах был написан неподдельный интерес к разговору.

Только начальница – ни «мэ», ни «бэ»: слушает и кивает. И на глазах бледнеет, начинает нервно выстукивать карандашиком по столу...

– Хорошо. Я немедленно выезжаю, – закончила она разговор.

Артем с Мишей просияли. На их лицах читалось: «Слава создателю! Наконец-то домой!»

Но Таня, вставая из-за стола, безжалостно заявила:

– Мне нужно уехать. Срочное дело. Очень срочное. А вам, ребята, – придется остаться. Уж извините.

Миша с Артемом обменялись безнадежными взглядами.

В Танином голосе добавилось металла:

– Я очень надеюсь, что завтра к восьми утра будут готовы

и слоганы, и эскизы. Как обычно, несколько вариантов.

Она снова сбавила тон – как же непросто быть начальником! – и улыбнулась:

– Очень прошу вас – не подведите! А я Наталье скажу, чтобы она с вами до победного сидела. И кофе варила по первому требованию. Ну, и премия, конечно, за мной. Хорошая премия.

* * *

Отчим даже не намекнул, что произошло. Просто попросил «*очень срочно приехать*». Но по его тону Таня поняла: он в беде!

Только сообразить-то сообразила, но вот поверить никак не могла. Да быть такого не может, чтобы с ним вдруг что-то случилось! Исключено. Мир, должно быть, перевернулся...

Ведь это отчим, Валерий Петрович Ходасевич, обычно помогал ей во всех делах, начинаниях, приключениях. Она, Таня, попадала в истории и бросалась к нему за помощью, и рыдала, уткнув голову в его пухлое плечо... А он всегда был тверд как скала. Незыблем, как Ниро Вульф в своем кабинете. Он утирал Татьяне слезы, заваривал крепкий чай с лошадиной дозой сахара – и всегда, абсолютно всегда, разрешал все ее проблемы. Для этого у него имелись и ум, и смекалка, и опыт. Да и связи немалую роль играли – все-таки полковник ФСБ-КГБ, пусть и в отставке.

А сейчас она просто не узнавала его.

Чтобы Валерочка – надежный, «правильный», считающий, что «долг превыше всего» – срывал ее с важного совещания? Не просил, но требовал срочной встречи?!

И при этом секретарше представился по-дурацки – Ниро Вульфом. И говорил экивоками, и голос его был тверд, собран, но при этом ощутимо напряжен...

Таня даже не была уверена, что она его правильно поняла.

Например, во время телефонного разговора Ходасевич сказал: «Французик у тебя, конечно, хорош, но пришла пора с ним расстаться».

– Ты имеешь в виду авто... – неуверенно спросила Таня.

– Да, я именно об этом, – прервал он ее.

И Таня послушно умолкла. Наверно, речь идет о «Пежо», ее любимой игрушке. Валера просит ее приехать на другой, не такой приметной, машине. Хотя что в «пежике» теперь-то приметного – изящных французских машин в последнее время в Москве расплодилось полно. Кто только на них не ездит: и усатые дядьки, и юные бандитские любовницы, и молодящиеся карги... Но... Раз Валера велит – Таня сделает, как он скажет.

А эта его фраза: «Жду тебя через час у *Маргариты*»?!

Таня едва не брякнула: «У Маргошки, что ли?» И еще удивилась, откуда он знает про Маргошку – Маргариту, ее однокурсницу... Но удержала поспешные слова, на пару секунд задумалась и уточнила: «Ты имеешь в виду *нашу с тобой*

Маргариту?»

– Да, да! – торопливо и досадливо ответил Валера.

А ведь раньше он никогда не говорил так резко.

– Я все сделаю, – бесстрастно и спокойно сказала Таня.

Работа в должности начальницы уже приучила ее: если твой партнер выбит из колеи – даже слегка, – надо брать бразды правления в свои руки. Только уж очень непривычно, когда нервничает *Ниро Вульф* – всегда такой бесстрашный...

Ну что ж. Будем решать проблемы в порядке их поступления. И проблема номер один – это машина.

...Паркинг для сотрудников рекламного агентства размещался в подземном гараже. Там же находилось и несколько «разгонных» машин – новых, но уже изрядно раздолбанных «пятерок» и «девяток». Любой из верхушки агентства мог при желании взять служебный автомобиль – ключи и документы находились у охранников. Правда, сотрудники «Пятой власти» к отечественному автопрому относились с презрением и на служебных машинах ездить избегали: в них душно, ненадежно, и выглядишь, словно дачник.

«Зато мне сегодня будет в самый раз», – заключила Татьяна.

– Я оставлю «Пежо» в гараже, – сообщила она охраннику, скучавшему над кроссвордом. – На вечеринку собираетесь? – понимающе улыбнулся тот. – Давайте я вам такси вызову, Татьяна Валерьевна...

– Какие там вечеринки, – отмахнулась она. – Просто... –
Таня замаялась, не зная, как объяснить свою прихоть. – Что-то тормоза у «пежика» воют. Наверно, колодки истерлись. А ехать надо. Так что я уж возьму машину попроще. Из наших, служебных. Какую посоветуете?

Охранник посмотрел на нее удивленно. Но вопросов задавать не стал.

– Вон та «девятка», – взмах в сторону плохо вымытой машины, – вроде бы самая приличная. Хотя шофера говорили, у нее сцепление чудит, вторая передача не...

Таня не дослушала:

– Пожалуйста, принесите ключи.

– Нужно заполнить доверенность, – охранник достал из стола подписанный директором агентства бланк.

– Я заполню сама, – отмахнулась Татьяна.

Схватила бланк и заторопила мужика:

– Пожалуйста, быстрее! Я опаздываю.

Стекла у «девятки» оказались тонированными.

«Очень на руку!» – порадовалась Таня и окна в машине не открыла. Пусть жара и дышать нечем – она потерпит. Кажется, она настаивает на конспирации. Что ж, будет ему конспирация. А когда стекла закрыты – даже востроглазый орел не определит, кто сидит в машине.

Однако, промучившись в духоте минут пять и постоянно поглядывая в зеркальце заднего вида, Таня решила: меры предосторожности выполнены. Никто за ней вроде не едет.

А главное, сидеть в духоте больше нет сил... Она машинально поискала пальцами кнопочки стеклоподъемников и чертыхнулась: какие, к черту, электрические приспособления в российских машинах! Одной рукой придерживая руль, Таня по очереди распахнула оба передних окна, с наслаждением подставила лицо встречному ветру.

Мелькнула неожиданная мысль: «Куда меня черт несет... Завтра нам пивную презентацию проводить, а ничего еще не готово!»

Но Таня прислушалась к *голосу сердца* и поняла: на самом деле угрызения совести ее особо не терзают. Надоело ей это пиво, простите, до отрыжки!

Таня улыбнулась.

Впрочем, улыбка тут же погасла. Не до веселья сейчас. Нужно максимально сконцентрироваться – чтобы ничего не напутать. Чтобы помочь ему. Впервые в жизни – помочь ему.

Значит, он велел ей ехать к Маргарите... Если Таня все поняла правильно – он будет ждать ее на той лавочке, где сидела в Александровском саду булгаковская Маргарита, когда к ней подошел Азazelло.

Эту лавочку давно, еще в школьном детстве, ей показал именно Валера. Он убедил ее: если присесть сюда и попросить помощи у высших сил – все желания исполнятся. «Все-все желания?» – недоверчиво спросила тогда маленькая Таня. И он, такой правильный, тут же оговорился: «Ну, не совсем все, а только добрые желания».

И Таня потом очень часто специально приезжала на эту лавочку. И просила, чтобы на экзамене ей попался счастливый билет, а Саня из параллельного класса обратил бы на нее внимание...

Когда Таня выросла, она заявила отчиму:

– А ведь ты наврал мне – насчет Маргаритиной лавочки! Вовсе она и не там стояла, где ты показывал, а совсем в другом месте. Я в дневниках жены Булгакова прочитала...

Но Валера серьезно ответил:

– Желания у тебя исполнялись? Исполнялись. Значит, лавочка та самая.

И Таня больше не спорила.

Такая уж у него харизма, что ему хотелось верить всегда. Даже если Валера ошибался или просто выдумывал...

«Я все для тебя сделаю! – пробормотала Таня. – Я помогу – что бы с тобой ни случилось!»

Она включила «моргалку» и начала искать место для парковки.

* * *

Труп уже увезли.

Молодой следователь бесцельно (как могло показаться со стороны) ходил по комнате.

«Классика... – думал он. – Словно иллюстрация к учебнику... Ограбление, совершенное группой лиц по предва-

рительному сговору... Не запланированное заранее убийство хозяина, оказавшегося случайным свидетелем преступления... Вряд ли грабители работали по наводке. Да и на что тут наводить? Лакированная «стенка» из семидесятих годов, «горка» с хрусталем, ковры... Устаревший застойный уют... «Улов» – стандартный. Телевизор, магнитофон, недорогие золотые побрякушки. Деньги? Хозяйка утверждает, что в квартире не было денег. Только триста рублей в ящике стола».

– Мы там на ра-асходы деньги держали, – всхлипывает женщина.

– Пожалуйста, успокойтесь, – с усталым сочувствием попросил он ее. – Постарайтесь вспомнить: может, в квартире хранились еще какие-то сбережения?

– Под матрасом... под матрасом его записка лежала. Тысяча ру-блей. Он хотел у-удочку купить. – Хозяйка закрывает лицо руками.

Слезы, валерьянка, ледяная вода...

Несчастную женщину уводят в кухню.

– Похоже, без наводки работали, – бурчит один из оперов.

– Да... видать, случайные посетители, – соглашается второй.

– Наркоши, – добавляет первый.

– Алконавты.

– Надо отработать жилой сектор.

Щербатый паркет в пятнах крови.

Обычное, рядовое дело. Жизнь, пошлая и жестокая жизнь. В ней убивают за телевизор и пару золотых колец. На кухне плачет вдова...

– Успокойте хозяйку, – поморщился следователь. – Хорошо бы ее допросить. Пусть скажет, где паспорта на аппаратуру лежат. И опись драгоценностей составит.

* * *

Он перехватил Татьяну на подходе к «лавочке *Маргариты*». Вынырнул откуда-то сзади, из толпы ошалелых интуристов. Взял под локоток так аккуратно, что Таня даже не вздрогнула.

– Привет, толстячок! – заулыбалась она.

Мама, Юлия Николаевна, неоднократно повторяла, что интеллигентный человек не должен употреблять подобные выражения. Особенно – в адрес собственного отчима. Но Валерочка на ее грубоватые прозвища не обижался.

«Он выше твоей дурацкой пресловутой интеллигентности», – заявляла Татьяна матери.

Вот и сейчас отчим расплылся в улыбке:

– Привет, Танюшечка. Я уж подумал было: не приедешь...

– С ума сошел, – констатировала Таня. – Как я могла не приехать?! Ты что, часто меня о чем-то просишь?

– Спасибо, – проговорил отчим. – Извини, что от дел оторвал. Секретарша сказала, что у тебя совещание...

– Забудь, – хмыкнула Таня. – Без меня досовещаются. И вообще: это ты извини, что я опоздала.

Тане совсем не понравилось, что Валера только делает вид, что *улыбается*. А сам – тревожно обшаривает глазами прохожих.

– Ну, говори: чем я могу помочь? – потребовала Таня.

Она специально сформулировала вопрос именно так. Еще по дороге решила: не стоит накидываться на отчима с криками: «Что случилось?» Для таких воплей – у отчима есть бывшая жена, она же Танина мама.

Но раз Валерочка обратился не к маме, а именно к ней – значит, он ждет, что Таня не станет охать, а будет реально ему помогать.

«И пусть он думает, что я ему помогу – без всяких распросов. Слепо, как Терминатор, который только выполняет команды».

Таня была уверена: Валера все равно расскажет ей, что случилось. Со временем.

А пока нужно усыпить его бдительность. И притвориться покорной, исполнительницей и бессловесной.

– Таня! Мне нужно место, где я мог бы отсидеться. Квартира, дача, гостиница, в которой не спрашивают документов.

«Ого!» – восхитилась про себя она. А вслух спокойно сказала:

– Конечно, найдем. Что-нибудь еще?

Валерий Петрович Ходасевич, полковник запаса ФСБ-КГБ, уже давно не работал. В том смысле, что не ходил на службу. Однако пенсионером – с неизменной рыбалкой, домино и сериалами по телевизору – он тоже не стал. Чем он занимался? Таня была уверена, что отчим до сих пор подрабатывает. Служит кем-то вроде *внештатного аналитика*. Один раз она приехала к нему без звонка, открыла своим ключом дверь и увидела: отчим сидит перед видеомагнитофоном. На экране какой-то боевик. А Валера что-то торопливо записывает в блокнот.

– Ты чем занимаешься? – требовательно спросила Татьяна.

Валера серьезно ответил:

– Видишь, там, на экране, – сейф вскрывают? Вот, хочу понять, как они это делают. Вдруг пригодится?

– Банк решил взять? – расплылась в улыбке Таня.

– Нет. Для начала – пункт обмена валюты. Будешь на шухере стоять?

Падчерица рассмеялась, а отчим – выключил видик и убрал блокнот в ящик стола. Однажды, когда Валера вышел в кухню, Таня в этот ящик сунулась – но он оказался заперт. Стало ясно, что просить показать блокнот – бесполезно... Может быть, Валера составляет обзор шпионских уло-

вок и бандитских киноприемчиков, придуманных неутомимыми сценаристами? Тем более что так же тщательно, как фильмы, отчим изучал и все детективы современных западных авторов. А может, он как раз сам детективы пишет? И, стесняясь насмешек Тани и друзей, публикует их под псевдонимом?

«Вот бы мне такую работу! – мечтала она. – Сиди себе на диване с книжечкой или перед видаком! А тебе еще за это деньги платят!»

То, что отчим, в отличие от прочих пенсионеров, не бедствует, было очевидно. По крайней мере, и обожаемая Таней сырокопченая колбаска в его доме водилась, и дорогим джином он ее угощал. Он всегда решительно отказывался от материальной помощи – а Таня, с тех пор, как стала хорошо зарабатывать, не раз пыталась всучить ему денежек.

Да и самого себя Валера кормил «на убой». Огромный кус парной свининки, запеченный в фольге. Здоровенная кастрюля бигоса со свежайшими телячьими сосисками. Неслабая коробочка, полная заварных пирожных...

– Лопнешь ты скоро, Валерочка, – ласково журила отчима Таня.

– У меня всего-то шесть пудов веса. Как у Поддубного, – привычно отшучивался тот.

– Нет, не шесть, а все восемь, – не соглашалась Таня и дарила ему футболки размера XXXL из магазина «Толстяк».

А когда Валера садился на пассажирское сиденье ее ма-

шины, «пежик» тут же слегка западал на правый бок, и Таня пугала отчима, что кресло может провалиться прямо под ним...

...Валерий Петрович никогда не рассказывал падчерице, чем занимается на самом деле. О том, что его сослуживец, полковник Армен Гаранян, до сих пор обращается к нему с поручениями-просьбами – *поработать на родную контору*.

Работа не предполагала засад, погонь или допросов. Чистая аналитика. Тренировка для ума – к тому же хорошо оплачиваемая. Проанализировать данные – и выявить *суть*.

Валерий Петрович ждал таких заданий. Выполнял их ответственно и с полной отдачей. Готов был сидеть над ними и день, и ночь. И очень обрадовался, когда неделю назад ему снова позвонил Гаранян. Предложил встретиться и *попить пивка*... Именно – *попить пивка*, а не *выпить пива* или там *шандарахнуть по кружечке*.

Эта фраза была ключевой.

ЗА ШЕСТЬ ДНЕЙ ДО ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ. ТРИДЦАТОЕ ИЮНЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Встречались они, как обычно, у печального Пушкина.

Ходасевич пришел загодя. Захватил место на лавочке: в тени, вблизи от фонтанной сырости. Предложил Гараняну:

– Посидим здесь?

Тот с сомнением огляделся. Пушкинскую площадь заполнили подростки. Молодняк галдел, курил, прихлебывал пиво, хрумкал чипсами... Двое пожилых мужчин в их компанию явно не вписывались. До Валерия Петровича донесся чей-то насмешливый комментарий: *«Двое педиков: жир-трест и чурка!»*

Гаранян тоже расслышал обидные слова. Спокойно сказал:

– Нет, здесь слишком шумно.

Валера со вздохом встал. Придется бродить по бульвару – а ходить ему сегодня (как, впрочем, и всегда) совсем не хотелось.

Но Гаранян неожиданно предложил:

– Пойдем лучше я тебя покормлю.

– В столовую «дома два», – усмехнулся Валера, – меня не

пустят.

– Зачем в столовую? – притворно возмутился Гаранян. – Тут через дорогу кафе открылось. Не самое дорогое. Мне сын советовал. Итальянская кухня и немецкое пиво.

Ходасевич хмыкнул:

– У тебя хватит денег-то – меня *прокормишь?*

Гаранян оглядел его безразмерный живот и сообщил:

– А я лепешек фокаччо тебе возьму. Порций пять-шесть.

Они там дешевые.

Валерий Петрович отказываться не стал. Он прекрасно понимал, что прижимистый (или, как он сам говорил, *хозяйственный*) Гаранян никогда не поведет его в кафе *на свои*. А раз уж родная *контора* угощает – грех не потратить представительские на хорошее дело.

– Одними лепешками ты не обойдешься, – предупредил его Ходасевич. ... В кафе «Венеция» оказалось шумно и суетно. Единственный столик, почти прижатый к стене, нашелся с трудом. Валерий Петрович, крихтя, втиснулся в малогабаритное пластиковое кресло. А Гараняну и вовсе пришлось пробираться в узкую щель между столом и стеной.

– Время ужина, – извинился метрдотель. – Минут через сорок будет уже поспокойней.

Он предупредительно распахнул перед ними кожаные папки меню.

Валерий Петрович быстро изучил цены: ужин, даже самый скромный, в «Венеции» тянул на пяток минимальных

зарплат. Но посетителей кафе это совершенно не смущало. Столы ломились закусками, пиво (сто пятьдесят рублей за кружку!) лилось рекой, а девчухи за соседним столиком с аппетитом уминали лобстеров.

– Кучеряво живет столица, – оценил Валерий Петрович.

По доброй воле он в кафе не ходил. Бывшему полковнику ФСБ казалось *барством диким* (как писал Пушкин) отдавать полпенсии за такой поход.

Мужчины заказали по пиву (Гаранян выбрал крепкий «Гиннесс», Ходасевич ограничился светлым «Гессером»). Закусывать решили отбивными. Раз уж *Контора* платит.

После первой кружки Гаранян спросил:

– Слушай, Валера... Ты кроссворды разгадывать любишь?

Ходасевич не сомневался: о его страсти к *кроссвордам* — в прямом и переносном смысле этого слова — тем, кому надо, хорошо известно. И Гараняну — в первую очередь. А чего тогда спрашивать?

– Ты же знаешь, что люблю, — подбодрил его Валера.

– А кроссворды бывают разные, — задумчиво сказал Гаранян и махнул официанту: — Еще пивка, пожалуйста... Есть классический кроссворд — где слова пересекаются. Есть чайнворд — когда из концовки слова растет начало следующего. Бывают кроссворды круговые, бывают — на вычеркивание...

Валерий Петрович терпеливо слушал. Объяснять, какие бывают кроссворды, ему не надо было: он скупал всяких

«Зятьков» с «Внучками» во множестве. Тренировал мозги. Боролся с подступающей старостью.

– А самый интересный кроссворд – это тот, из которого нужно составить ключевое слово. Встречал такие? Знаешь, какой принцип?

Валера знал, но решил бывшего сослуживца не прерывать.

– Берешь по одной букве из каждого правильного ответа, составляешь ключевое слово и высылаешь его в редакцию. Пятьсот рублей, между прочим, можно выиграть.

– Пока не выигрывал, – усмехнулся Валера.

– И не выиграешь. В редакциях эти деньги по своим распределяют, – заверил его Гаранян.

– Ну, не тяни резину, – поторопил Ходасевич. – Выкладывай свой *кроссворд*.

Гаранян понизил голос и перешел к делу:

– Ты, наверно, помнишь – я периодически запрашиваю *у соседей* уголовные дела. Для общего, так сказать, развития...

– Дел по сто в месяц, – кивнул Ходасевич. – Или сейчас уже меньше?

– Как когда. – Гаранян твердо придерживался старого чекистского принципа – *не выдавать лишнюю информацию*. – Так вот. Из того, что смотрел в последние месяцы, я выделил сорок семь дел. Не спрашивай, по какому принципу выбирал, потому что я тебе отвечу: сам не знаю. Считаю, что интуиция подсказала. Дела абсолютно разные. География – весь СНГ. Убийства, изнасилования, тяжкие телесные...

– На какой стадии дела? – уточнил Валерий Петрович. – «Висяки»?

– Не все. По некоторым следствие приостановлено, другие еще в производстве. А девять уже в суд ушли. По четырем, кстати, вина доказана и приговоры вынесены. Но только кажется мне, что *ключевое слово* в этих делах все равно так и не найдено. Ни менты его не нашли, ни я... А возможно, даже и нет в них этого ключевого слова. Но... Что-то мне в них не нравится... И на всякий случай – материалы по этим делам я запросил повторно...

– Можешь не продолжать, – усмехнулся Ходасевич.

– Значит, задачу ты понял.

– Говори, где работать и когда начинать, – откинулся в кресле Валерий Петрович. – А сейчас закажи мне еще одну отбивную.

* * *

Условия ему создали весьма приемлемые.

Однокомнатная квартира в неприметной «панельке». Удобное кресло из кожзаменителя. Стол с яркой лампой. Огромная банка кофе. Два сорта чая. Сахар. И даже – дежурный запас сыров-колбас в холодильнике. Молодцы, позаботились. Неформально подошли к подготовке *конспиративки*. Можно сказать, с душой.

Квартира была неплохо защищена: охранная сигнализация.

ция, решетки на окнах и «маскировочная» дверь: та ее сторона, что выходила на лестничную площадку, была сделана из дрянной фанеры, обитой дерматином. А внутренняя часть оказалась стальной.

Дела, о которых говорил Гаранян, хранились в сейфе.

На сейфе *Контора* тоже не сэкономила. Взорвешь только тротилом, но при этом содержимое превратится в прах.

Валерию Петровичу пришлось вызубрить тройную систему шифров.

Новая работа его захватила. Захватила именно тем, что он просидел над уголовными делами уже три дня – а *ключевого слова* в них так и не нашел. И даже *намек* на это слово не предвиделось...

А может, и нет никакого *слова*?

Может, и нет – предупреждал его Гаранян.

Абсолютно разные способы убийств. Никакой на первый взгляд связи между потерпевшими. В каких-то случаях – эти папки Валерий Петрович выделил в отдельную стопку – эксперты констатировали сексуальное насилие. В других – эти тоже лежали отдельно – убийства были примечательны тем, что потерпевшие остались при кошельках и золотых побрякушках. А в семи до убийства вообще не дошло – преступника или испугивали, или он сам отступался. Валерий Петрович внимательно изучил составленные со слов потерпевших словесные портреты.

Нет, ничего, решительно ничего общего...

И все-таки Гаранян утверждал, что *ключевое слово* здесь есть. Не во всех, конечно, делах – в некоторых.

– Ты имеешь в виду... какую-то *деталь, штрих?* – пытал его Ходасевич.

– Не знаю, – вздыхал Гаранян. – Просто нюхом чую: здесь что-то нечисто. Странно. А наши коллеги из МВД эту странность не заметили.

– Пока ничего, – ежедневно докладывал Ходасевич.

Гаранян не скрывал, что расстраивается. Но каждый вечер упрямо повторял:

– Ищи дальше. Мы не спешим.

* * *

Светом в конце тоннеля это назвать было нельзя. В общем-то, даже на *просвет* не тянуло. Так, крохотный лучик... Но этот *лучик* занимал все мысли полковника Ходасевича. Можно сказать, терзал его. Выжигал изнутри, как лазером.

Домой он вернулся поздно. Спину ломило, в глазах щипало. И вот что удивительно: обедал он давно и совсем неплотно, только есть ему совершенно не хотелось.

Ходасевич выпил чашку сладкого чая с сушками и лег в постель. Но заснуть так и не смог. Даже четвертушка снотворной таблетки, как рекомендовал врач, не помогла...

Он лежал без сна, слушал, как под окнами проносятся поливальные машины и лихачи на мотоциклах, и думал, ду-

мал... В половине пятого утра, когда сквозь шторы пробился рассвет и птицы начали чирикать все уверенней, кряхтя, поднялся. Прошлепал на кухню. Поставил чайник. Покрутил ручку настройки, выбрал радиостанцию с самым бодрым ди-джемом – благодаря Тане Ходасевич неплохо разбирался в современной музыке, только его очень раздражало, когда радиийные мальчики и девочки ранними утрами зевали или еле блеяли.

Сумерки быстро сменялись нежно-розовым утром. Птицы горланили из последних сил. Денек ожидался прекрасный. Бодрая музыка из приемника настроила его на рабочий лад.

Валерий Петрович заварил себе крепчайшего кофе, закурил и решил взяться за дело немедленно – пока *мысль не ушла*. Он склонился над блокнотом. Ручка летала по бумаге, кажется, сама собой. Жаль, конечно, что исписанные странички перед уходом придется уничтожить – правила есть правила...

Неважно. Он не сомневался, что без труда воспроизведет свои записи на конспиративной квартире. И сегодня же передаст докладную записку Гараняну. Только перед этим нужно все еще раз проверить-перепроверить...

К шести утра приблизительная схема была готова. Валерий Петрович перечитал ее раз, другой... Потом вырвал блокнотные страницы, разорвал их в мелкие клочки, выбросил в унитаз. Снова щелкнул кнопкой электрического чай-

ника. Открыл банку кофе. (Хорошо, что лечащий врач не видел, сколько кофейного порошка его пациент всыпал в чашку). Сделал себе пару сытных бутербродов: на толстом ломте хлеба – слой куриного паштета, кусок сыра и майонез (тоже, кстати, запрещенный докторами).

Настроение было отличным. Конечно, еще преждевременно говорить о ключевом слове... Но кое-что – даже не словечко, а что-то совсем маленькое – пару ключевых букв – он точно нащупал.

Валерий Петрович быстро покончил с завтраком. Побрился, щедро оросил себя французским одеколоном и вышел из квартиры. Чувствовал он себя хорошо – так бывало всегда, когда в делах что-то *наклевывалось*, – и потому даже выполнил одну из рекомендаций лечащего врача: метров двести в сторону метро шел пешком. И только потом остановил такси.

* * *

Интуиция? Шестое чувство? Внутренний голос? Или проще – элементарная, «на автомате», осторожность?

Такси опасно кралось по ухабистому междворовому проезду. Несмотря на раннее утро, у некоторых подъездов уже разминались пивком – «конспиративная» девятиэтажка располагалась в самом что ни на есть обычном, пролетарском районе.

– Вот у этого подъезда остановите, – попросил Ходасевич

шофера.

И, прежде чем открыть бумажник, машинально взглянул на окна *рабочей* квартиры. Третий этаж, потолки невысокие, с его дальноркостью все видно прекрасно. А осторожность никогда не повредит.

Занавеска на кухне была сдвинута. Не явно, не на метр, но тем не менее находилась она совсем не в том месте, где Валерий Петрович оставил ее вчера, покидая квартиру. Ошибки быть не могло: ровно посередине окна шла небольшая трещина, и Ходасевич, уходя, всегда задерживал занавеску так, чтобы ее кромка проходила по границе этой самой трещины. Неужели он забыл?.. Нет. Это элементарные меры предосторожности.

– Семьдесят рублей, как договорились, – пробурчал шофер.

Замешательство пассажира он расценил по-своему: небось толстяк по второму кругу торговаться начнет...

– Подожди, командир, – отмахнулся Валера и внимательно, до рези в глазах, впился взглядом в окна квартиры. И увидел: в комнате мелькнула чья-то осторожная тень...

Решение полковник Ходасевич принял мгновенно. Протянул водителю две сотенные бумажки:

– Переигрываем. Трогайся, езжай прямо. Со двора есть еще один выезд.

Голос его, похоже, прозвучал начальственно и грозно. Во всяком случае, шофер послушно газанул и тронулся с места.

И, хотя ям на тротуаре меньше не стало, ехал он теперь явно быстрее.

Когда машина подобралась к выезду на улицу, водитель робко спросил:

– Что-то случилось?

Валерий Петрович не ответил. Попросил:

– Слушай, друг... Отвези-ка ты меня обратно.

– Куда – обратно? – не понял шофер.

М-да, соображал он туговато.

– Туда, где я к тебе сел. На Сельскохозяйственную улицу, – терпеливо пояснил Ходасевич.

– Что-то дома забыл? – догадался водитель. – Считай, что так, – отмахнулся полковник.

Закурил и отвернулся от надоедалы.

Может быть, он перестраховывается? Скорей всего.

Надо бы позвонить, спросить, в чем дело... Но звонить из машины не хотелось. Совсем ни к чему, чтобы водила – вон, ушки на макушке – слушал их разговор с Гараняном. Да и рано еще, зачем зря булгачить человека... Он позвонит ему из дома.

До Сельскохозяйственной ехали долго.

– В час пик попали, – констатировал водитель. – Надо бы надбавку, за сложные условия...

– Нет сегодня часа пик. Воскресенье, – хмуро откликнулся Ходасевич.

Вымогателей он не любил.

– Где остановить? – пробурчал шофер.

– Там же, где я к тебе сел, – повторил Ходасевич. – Не доезжая до продуктового магазина.

Валерий Петрович прекрасно знал, что от магазина отлично просматривается его двор.

Поднимаясь по ступенькам продуктового, Ходасевич бросил взгляд на свой дом. И сразу увидел ее: черную «Волгу» с тонированными стеклами. Машина стояла точно у его подъезда.

Ходасевич остановился как вкопанный, чем вызвал неприкрытый гнев идущей сзади бабули. Она злобно выкрикнула:

– Чего встал, толстый пень?!

– Простите... – пробормотал Ходасевич.

Бабка – кажется, она ожидала ссоры – взглянула на него удивленно. А Валерий Петрович, галантно пропустив ее в дверь, как мог, быстро спустился с магазинного крыльца.

По дороге как раз неторопливо следовало такси. Ходасевич пропустил его. Поднял руку перед следующей машиной. Попросил:

– До метро.

– Пятьдесят, – гадко ухмыльнулся шофер.

Торговаться времени не было.

Спускаться в метро Валерий Петрович не стал.

Присел на лавочку в загаженном скверике у станции и достал из внутреннего кармана сотовый телефон.

Мобильник ему подарила Таня, хотя он ее и отговаривал: «Зачем мне сотовый? Все равно будет валяться без толку. Да под мои габариты и аппарат не найдешь...» Он взял изящную Танину трубочку и сделал вид, что его толстые пальцы никак не попадают по клавишам, а Таня весело хохотала... Отсмеявшись, падчерица тогда пообещала:

– Я тебе все равно телефон куплю. Огромный, по спецзаказу.

– Татьяна, не смей! – шутливо прикрикнул на нее Валера. – Будешь еще деньги тратить на всякую ерунду!

– Да какие там деньги! – ухмыльнулась Таня. – Я тебе знаешь какой подарю? Кондовый, первого поколения. Такие в секунд-хенде продаются. Стоит гроши, долларов десять. Потому что немодный. Зато кнопки огро-омные...

И действительно подарила – здоровый, с виду – почти стационарный аппарат. Он нещадно оттягивал карман и вызывал веселое оживление у пижонствующих подростков. Но Ходасевича эта модель вполне устраивала. По крайней мере, по кнопкам он попадал без труда. И даже сейчас, хоть и волновался, номер полковника Гараняна набрал с первой

Этот опер был вежливым – будто юный Шарапов—Конкин из «Место встречи изменить нельзя».

И одет совсем не в духе времени: свежая рубашечка, галстук, светлый костюм. Голос тихий, вкрадчивый: «Присядьте, вот вам водичка...» Дал ей носовой платок – белейший, отутюженный. Глянцевая картинка. Нет – лакированная, надоедливая рожа.

Тамара с трудом понимала, чего хочет от нее этот молодой человек. Почему его лицо то и дело искажается гримасой нетерпения.

– Я уже все рассказала, – обреченно повторяла она и размазывала по лицу слезы чужим наглаженным платком.

Но чистенький мальчик никак не хотел оставить ее в покое.

– Еще пять минут, Тамара Аркадьевна. Пожалуйста, возьмите себя в руки – и мы закончим наш разговор...

«Мне теперь не о чем говорить. Ни с кем. Ни о чем».

А опер тем временем терпеливо повторял вопрос:

– Вы мне так и не объяснили... Почему вы оказались на даче, а ваш супруг остался дома? Такое бывает часто?

«Такого больше не будет. Никогда».

Слезы текли сами собой, смешивались с водой, вода ста-

новилась соленой.

– Пожалуйста, Тамара Аркадьевна. Возьмите себя в руки. – Мальчик тактично отворачивался, чтоб не видеть ее рыданий.

Он все равно не отстанет... И она выдавила:

– Обычно мы ездили вместе... Но в этот раз он сказал, что ему нужно побыть дома. Срочная работа.

– Что за работа? – вскинулся юноша.

– Господи, ну откуда же я знаю! Говорила же вам: он никогда ничего не рассказывал.

– Хорошо, Тамара Аркадьевна. – Мальчик сделал очередную отметку в блокнотике. – Итак, вы приехали с дачи рано. – Он сверился со своими записями. – Если быть точным – в семь тридцать утра. Скажите, пожалуйста, – с чем связана такая спешка?

Его глаза впились в нее, как пиявки.

«Он подозревает меня, – поняла Тамара. – Ищет, за что бы зацепиться».

Ей вспомнилось, как муж говорил про таких – молодых и бестолковых: *«Роют они, роют, да только ничего не нароют!»*

– Я соскучилась по нему, – ответила она мальчику. – И решила приехать. Покормить мужа завтраком. Он же никогда сам не поест, если его не покормишь...

– Значит, вы, – юноша недоверчиво уставился ей в лицо, – специально ехали из Краскова... двадцать минут только на

электричке... чтобы приготовить мужу завтрак?

– Да, именно так, – устало ответила она. – И еще я думала: может, удастся уговорить его поехать со мной на дачу... Он сказал, что в субботу – никак, а в воскресенье – может быть...

И она добавила то, что ее муж, будь он жив, безусловно, назвал бы *лишней информацией*:

– Господи, почему я его не уговорила?! Почему не настаивала?! Ведь если бы... если бы мы уехали оба...

Тамара снова заплакала, закрыла лицо руками.

Сквозь слезы выдавила:

– Пожалуйста... оставьте меня в покое...

– Тамара Аркадьевна. Тамара Аркадьевна... – не отставал милиционерчик.

Он аккуратно взял ее за плечо.

– Ну что?! Что еще вам?!

– Звонит телефон. Пожалуйста, ответьте.

* * *

Танюшка, любимица, как-то спросила отчима:

– Валерочка! А вот ты беситься умеешь?

– Я – что? – не понял он.

Она со смехом пояснила:

– Да удивляюсь я, что ты всегда такой флегматичный. Неужели ты никогда не психуешь? Не пинаешь мебель, не

бьешь посуду?

– Нет. А зачем? – искренне удивился Ходасевич.

– Ну, как же, – недоумевала Таня. – Это ведь лучший способ снять стресс. Я вот, между прочим, старую посуду никогда не выбрасываю. Держу на специальной полке. А когда разозлюсь – расколачиваю ее о стены. Попробуй сам!

Валерий Петрович тогда только посмеялся над Таниным способом снятия стресса. И даже стал откладывать для нее треснутую посуду – пусть бьет, если нравится. Но сам, конечно, бить не пробовал. Дикость какая-то. Есть способы куда цивилизованней: размеренное дыхание, медленный счет от одного до пяти, массаж точек у оснований большого и указательного пальцев...

Но сейчас ни один из проверенных способов не помогал.

В ушах звучал голос Тамары Гаранян – монотонный, подавленный, безнадежный: «Они убили его, Валерочка! Убили!»

Валерий Петрович с отвращением смотрел на телефон.

Ему ведь пришлось расспрашивать ее... задавать навоящие вопросы... уточнять детали... Тамара отвечала послушно, будто запрограммированный на вежливые ответы робот. И все время плакала, плакала...

– Я приеду к тебе, – пообещал Валерий Петрович, и от этого обещания на душе тоже стало тошно. Потому что он отчетливо понимал: в ближайшее время у Тамары он появиться не сможет.

Не обнимет ее, не утешит...

Ходасевич знал: ему нужно выкинуть из головы Тамару Гаранян.

И друга Армена Гараняна – тоже.

Убитого Гараняна.

Но ему надо было освободиться от горя и от чувства вины. И думать только о себе. О том, как уцелеть самому, пока еще не стало слишком поздно.

Уцелеть.

Разгадать.

Найти.

Отомстить.

Вот как много всего ему предстояло сделать. Причем в ближайшее время.

Но мысли сами по себе непрошено соскакивали к Гаранянам.

«Сколько они прожили вместе? Их сыну уже за тридцать... Внуки в школу пошли... Но Тамара до сих пор всегда наряжалась к приходу мужа. И вставала в шесть утра для того, чтобы приготовить ему завтрак. А Гаранян, подвыпив на семейных сабантуйчиках, уверял, что они, как в сказке, умрут с Тамарой в один день. И когда та смущенно краснела, ехидно добавлял: «Потому что я без нее просто с голоду погибну...»

Нет, не может он *не думать* про погибшего Гараняна. И про его несчастную жену...

Валерий Петрович огляделся. В чахлом скверике было совсем пустынно. Народ здесь соберется только к вечеру – тогда все лавочки займут любители пива. А сейчас только ветер ворошит обрывки газет да в помойном ящике копается парочка кошек.

Ходасевич прицелился... размахнулся – и швырнул мобильный телефон в помойный ящик, поверх кошачьих голов.

Возмущенный визг линялых тварей его порадовал, и на душе сразу стало как-то полегче. Да, в Танином способе что-то есть... Будем считать, что стресс он снял.

Сработает ли вторая часть его плана?

Валерий Петрович поднялся с лавочки и тяжело пошагал в сторону метро. Он знал, что сквер прекрасно просматривается из окон вестибюля метро...

* * *

«Девятка» с затемненными стеклами подъехала к скверу через двенадцать минут. Машину, в нарушение всех правил, бросили, не запарковав, прямо на дороге. Так делают только очень уверенные в себе товарищи. Уверенные в своем *праве*.

Из автомобиля вышли трое хмурых мужчин.

Их выправка и то, как они шли – привычно-профессионально страхуя друг друга, – не оставляли никаких сомнений в роде их занятий. К тому же все трое были в широких рубахах навыпуск. Под такими легко помещались, не просмат-

риваясь, кобуры. Или заткнутые за пояс пистолеты.

Молодые люди напрямиком направились в сторону помойного ящика.

Того самого ящика, куда он только что зашвырнул свой мобильник...

Других доказательств Валерию Петровичу не требовалось.

Он показал сонной контролерше пенсионное удостоверение и ступил на эскалатор.

Глава 2

ШЕСТОЕ ИЮЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ

Таня смотрела на отчима, словно на бога. Или, по крайней мере, как на Джеймса Бонда. Она не скрывала своего восхищения.

– Ну, Валера, ты и выдал! – проговорила она.

– Не понимаю, чему ты радуешься, – буркнул Ходасевич.

– А я картинку представила: как ты по эскалатору бежишь. Со всех ног. Скрываешься с места происшествия. – Татьяна не удержалась и фыркнула: – А вдруг бы он под твоим весом обрушился?!

– Я не бежал, – слабо улыбнулся Валерий Петрович. – Во-первых, потому что не люблю физическую активность – в любых ее формах. А во-вторых, бегущий человек вызывает подозрения. А толстый и бегущий – тем более... Ладно, отставить смех. У тебя есть предложения, что делать дальше?

Вот так-так! Великий всезнающий отчим спрашивает у нее совета! Таню это порадовало.

– А что делать? Влип ты по самые уши. Мотать тебе надо. Куда подальше.

Отчим пожал плечами, усмехнулся:

– Мотать, говоришь?

– Ну да. Куда-нибудь за границу. На Кипр, например. Туда самолеты каждый день летают, и виза пока не нужна.

– Идея, конечно, хорошая. Только дальше что?

– А что дальше? Пересидишь, пока все успокоится, а потом вернешься. Свежий и отдохнувший. На Кипре хорошо – цветы, море, девушки, мистрали...

– Ну, в мистралях, допустим, ничего хорошего нет, – протянул Валера.

«Неужели согласится?»

Таня тут же засуетилась:

– Кредитка у меня с собой. Там тысячи полторы долларов. На первое время тебе хватит, а потом я еще подошлю. По «Америкэн экспресс». Сейчас позвоним в справочную, узнаем, когда ближайший рейс...

Она выудила из сумочки телефон.

Валера осторожно придержал ее за локоть:

– Отставить, Танюшка. Мы *с тобой* (опять это греющее душу «*с тобой*«!) не учли одно обстоятельство...

– Думаешь, на границе могут тормознуть? – догадалась она.

– Не в этом дело, – еле заметно поморщился Валера. И объяснил: – Я, конечно, могу скрыться. На Кипр, в Стамбул или куда угодно. Но... вот ты... Ты сама бы в такой ситуации что сделала?

– Убежала, – быстро сказала Таня. – Самый разумный выход. Лежишь на пляже – а проблема сама рассасывается...

Отчим усмехнулся:

– А если так и не рассосется? Нет, Танюшка, Кипр – это не выход. А вот если бы ты мне в Москве укромное местечко нашла... Желательно – с телефоном.

– Ты решил все это так не оставить, – вздохнула она. – Будешь бороться.

– Да. Буду, – кивнул Ходасевич.

– Но зачем? – спросила Таня.

– А ты? Ты бы на моем месте оставила все, как есть? – пожал плечами отчим.

– Но силы-то неравные! – воскликнула она. – Коцнут тебя, Валера, – и вся любовь.

Замечания по поводу жаргонного слова «коцнуть» отчим ей делать не стал. Наоборот – использовал его сам:

– Если сил у них достаточно, они меня где угодно коцнут. И на Кипре достанут. Тем более «левого» паспорта у меня нет... И сделать я его сейчас не смогу.

– Давай я это попробую устроить, – в азарте предложила Таня.

Отчим только рукой махнул:

– Устроить? Ты?... Детский сад! Нет, Татьяна. Я в Москве останусь.

– Да куда тебе с ними тягаться?! Ты, говоришь, через сколько они приехали после того, как ты телефон выкинул?

Через десять минут? Через пять?

– Нет, Таня, – повторил отчим. – Я останусь. Мне нужно узнать, почему моего друга убили. И кто.

Таня только рукой махнула:

– Ладно, не продолжай. Тебя разве переспоришь. Только, чур, уговор: я буду тебе помогать.

Валера, кажется, хотел возразить. Но перехватил решительный взгляд падчерицы и покорно сказал:

– Хорошо. Помогай. Я тебе уже говорил: мне нужно укрытие. Жилье с телефоном. Цивилизованное, но чтобы без любопытных соседей. Может, мне квартиру снять? Есть в Москве такие фирмы, которые в тот же день жилье могут найти?

– Есть-то они есть... – возразила Таня. – Но, во-первых, эти фирмы обещают много, а делают мало. А во-вторых, туда нужно с паспортом идти. Твоим или моим. Как я поняла, это нас с тобой не устраивает...

– Да, лучше бы без паспорта, – согласился Валера. – Частным порядком.

– Вот я и думаю... Слушай... а как ты относишься к загородной жизни?

Могла бы не спрашивать: Валера тут же скривился.

Дачник из него был никудышный – или просто дача у отчима была неправильная?

Валерин загородный домик находился в Абрамцеве. Симпатичная деревянная дачка на большом ухоженном участке.

На Танин взгляд, туда можно ездить из-за одних сосен – величественных вековых красавиц. А чего стоили кусты малины, которые росли вдоль забора из сетки-рабицы? А пруд с симпатичными лягушками – идти до него всего-то метров сто?

Но отчим соснами не восхищался, малину не собирал и на пруд не ходил. Зато каждый поход в уличный туалет превращался для него в пытку. А визит к колодцу он приравнивал к подвигу.

– Где ты видела дачи с телефонами?

– Ну и темный же ты, Валерочка! – фыркнула Таня. – Во-первых, мобильники уже давно работают во всем Подмосковье. Во-вторых, в нормальных коттеджах – и московские телефоны есть. А насчет удобств... Я же тебе не дачу предлагаю, а настоящую *загородную жизнь*.

* * *

Загородную жизнь Тане навязал начальник – генеральный директор агентства «Пятая власть». Он оставил ее «на хозяйстве», уведомил, что «за агентство она теперь отвечает головой», и убыл на Мальдивы, греть пузо на белом песочке.

Перед тем, как уехать в отпуск, генеральный вызвал Садовникову в свой кабинет.

– Опять будете ЦУ давать? – Таня надеялась, что шеф не заметил, как она скривилась.

– Нет, – обрадовал ее босс. – У меня к тебе, так сказать, частное поручение.

Он торжественно распахнул барсетку и вручил ей ключи:

– Вот, держи. Это от моего коттеджа. Будет куда на выходные съездить.

– Да уж, это великая честь, – искренне оценила Татьяна.

Про коттедж начальника в агентстве давно ходили легенды. Строил он его долго, лет десять – с начала девяностых годов. И наворотил, по слухам, самую настоящую виллу. Рассказывали про джакузи, зимний сад со стеклянной крышей и фонтан с золотыми рыбками.

Правда, своими глазами это богатство никто из труженников «Пятой власти» не видел – туда приглашались только важные клиенты, друзья-партнеры и «крышующие» чиновники.

А поглядеть, верно, было на что. Вон даже ключи – и те необычные: Таня удивленно разглядывала серебряный брелок, на котором болтались пластиковые карточки, похожие на кредитки.

Она иронически спросила тогда генерального:

– Чем я это заслужила?

Шеф патетически ответил:

– Безупречным поведением. И потом, мне нужно, чтобы за коттеджем кто-то присматривал. Рыб в фонтане кормил. И мне почему-то кажется, что именно ты не будешь устраивать там пьяных оргий.

– Решили сэкономить на прислуге, – усмехнулась Таня. Но ключи приняла. – Спасибо, конечно, за оказанное мне высокое доверие, – поблагодарила она. – А часто этих ваших рыб нужно кормить?

– Нечасто. Два раза в неделю. – Начальник не удержался и добавил: – В свободное от основной работы время.

– Минуточку, – съехидничала Татьяна. – Не поняла: кто я теперь – экономка или креативный директор?

– Отдавай ключи, – вздохнул генеральный.

– Ладно, не волнуйтесь, – Таня дала задний ход. – Никто не пострадает. Ни работа, ни рыбки.

Хотя рыбки, наверное, все же страдали. Только не могли об этом никому сказать. Работы в последние дни у Татьяны было столько, что золотистым красавицам приходилось голодать. В последний раз она выбиралась в особняк пять дней назад. Вбухнула рыбам полбанки сухого корма, полчасика повалялась в шезлонге – и помчалась обратно, в Москву: назавтра с раннего утра предстояли переговоры...

– В общем, диспозиция такая, – рассказывала Таня своему отчиму Валерию Петровичу. – Это закрытый поселок на берегу водохранилища. Въезд по пропускам, охрана с ружьями, и собак – целое стадо.

– Стая, – машинально поправил Валера.

– Именно стадо! – не согласилась Татьяна и пояснила: – Потому что они очень добрые. Гавкают, а сами хвостами виляют... Ну, вот. Домик, по местным меркам, маленький: три-

ста квадратов. Но все удобства, конечно, есть. И душ с сортиром, и стиралка, и посудомоечная машина. А, еще джакузи имеется, – она окинула Валеру оценивающим взглядом, – только ты туда, пожалуй, не поместишься...

– Далеко это от Москвы? – с интересом спросил Валера.

– Два шага. То есть километров двадцать. За полчаса дождемся, если пробок не будет.

– Приемлемо, – кивнул Валера. – А когда твой начальник возвращается?

– Не скоро. Он отпуск сразу за два года взял.

– Как там с питанием?

Даже в таких, прямо скажем, экстремальных условиях Валерий Петрович умудрился подумать о пропитании.

– С голоду не помрешь, – заверила его Таня. – Правда, в самом поселке есть только палаточка, но там и кофе, и хлеб, и фрукты – в общем, на первое время хватит. А основную еду я тебе из города привезу. По списку или по своему усмотрению.

– Но телефона, конечно, нет, – констатировал Валера.

– Обижаешь! – фыркнула Таня. – Полно там телефонов – по аппарату в каждой комнате. Шеф специально так сделал: сидит в зимнем саду или у камина и названивает нам в агентство, демонстрирует полный контроль.

– Да, роскошное лежбище. – Валера поднялся с лавочки. – Поехали.

Таня очень боялась, что когда отчим разместится в особняке, то вежливо отошлет ее прочь: езжай, мол, Танюшка, продолжай свое совещание – не буду тебе мешать. Но уезжать не хотелось, и она таскала Валеру по всем комнатам. Заставляла его любоваться видом на водохранилище, где на рейде дремали яхты. Водила в зимний сад и просила «проверить на прочность» плетеное кресло. Показывала, как включать водонагреватель.

Однако Валера конца экскурсии не дождался.

– Спасибо, Танюшка, хватит. Я сам во всем разберусь. А к тебе у меня есть еще одно поручение.

Танино сердце радостно трепыхнулось. Она успела подумать: «Во, как интересно! Когда на работе мне генеральный что-то *поручает* – я злюсь, хотя мне там и зарплату платят. А когда Валера о чем-то просит, наоборот, радуюсь...»

Отчим словно прочитал ее мысли, сказал:

– Кстати, напрасно радуешься.

И не удержался, добавил:

– По-моему, ты просто не понимаешь, насколько все это серьезно.

– Да понимаю я! – Таня постаралась, чтобы голос звучал максимально сосредоточенно. Но, видно, у нее не получилось. Потому что отчим продолжил:

– И, пока ты со мной, рискуешь не меньше, чем я.

– Ладно, Валерочка, не хмурься, – утешила его падчерица. – Мы им всем козью морду сделаем!

– Знаешь, Таня, – строго сказал экс-полковник. – Иногда мне кажется, что у тебя задержка...

Танино лицо вытянулось. А отчим закончил:

– ...Задержка в эмоциональном развитии. Ведешь себя как малый ребенок.

– Уж лучше как ребенок, чем как толстая клуша! – фыркнула Таня. – Ну, ладно. Говори, что у тебя за поручение.

– Найди мне Пашу Синичкина, – попросил тот. – И объясни ему, как сюда добираться. Пусть срочно приезжает.

– Может, просто позвонить ему? – предложила она.

– Нет. Я тебя прошу: никаких разговоров по телефону. Звоним друг другу, только если надо срочно договориться. И только из телефона-автомата. И говорим не больше тридцати секунд.

Таня нахмурилась:

– А ты не перестраховываешься? Неужели у них действительно такие неограниченные возможности?

– Надеюсь, что нет, – вздохнул Валера. – Но все равно: говорить о деле лучше лично. И Павлу скажи: по пути сюда пусть на всякий случай проверяется.

– Все сделаю, Валерочка, – заверила его Таня. – Все, как ты сказал.

– А сама сюда не показывайся, – приказал Валера. – Про-

дукты мне будет Синичкин привозить.

– Да мне и самой некогда по всяким дачам разъезжать, – лицемерно заявила Таня.

Но возмущенно при этом подумала: «Ишь, чего захотел! Пашке он все расскажет, а я ни при чем?! Нет уж, Валерочка! Ты меня за простушку-то не держи!»

* * *

Таня Садовникова обожала Пашу Синичкина – бывшего опера, а ныне – частного детектива. Как было не любить высокого, мускулистого красавца – острого на язык и бесстрашного. Когда-то, лет пятнадцать назад, Пашка оказался любимым учеником Валерия Петровича. С тех пор он был ему чрезвычайно предан. А после нескольких дел, совместно раскрытых им с Татьяной, Паша стал предан и ей.

Имелся, правда, у Синичкина и недостаток. Единственный, но важный: *недостаток извилин*. Но, надо отдать ему должное, Павел никогда не корчил из себя Ниро Вульфа. Охотно соглашался на роль Арчи Гудвина.

Он лихо гонял на своей «девятке», указания выполнял четко и без самодеятельности. Большого от него никто не требовал.

«А уж если у Павла будет такой мозговой центр, как Валерочка (ну, и я, конечно), мы их всех разорвем. В клочья», – самонадеянно думала Татьяна.

Она быстро и уверенно ехала по Ленинградскому шоссе, направляясь к Паше.

Синичкин проживал в самом что ни на есть центре – на Большой Дмитровке. Когда-то его квартира представляла собой ужасную, неухоженную коммуналку. Народу там было прописано, правда, меньше, чем в Вороньей слободке, но имелись, по законам жанра, и пьющий сосед, и вздорная соседка. Конечно, постоянно полыхали скандалы – как обычно, из-за всякой дряни: непотушенной лампочки в туалете или поздних возвращений с громким топотом по коридору.

Если бы Павел остался служить в «ментуре» – то, наверное, так и жил бы в своей Вороньей слободке до самой пенсии. Но работа частным детективом («Особенно с такими клиентами, как я», – важно думала Таня) плюс режим жесткой экономии (зачем такому красавцу дорогие костюмы – он и в потертых джинсах выглядит прекрасно) позволили Паше свою коммуналку расселить. Пьяница и вздорная соседка отправились в отдельные квартирешки на московских окраинах, а Синичкин пару лет промучился с капитальным ремонтом и теперь проживал на Большой Дмитровке настоящим «принцем на выданье». Сто квадратов личной жилплощади, свеженький паркет, шелковые обои в спальне и зеркальный потолок в ванной.

Таня позвонила Синичкину из автомата на «Маяковской». Выдала заранее заготовленный текст:

– Надо срочно увидеться. Я сейчас приеду.

Павел коротко бросил:

– Жду.

В глубине квартиры Тане почудился женский хохоток.

«Наверняка сейчас нарвусь на какую-нибудь Пашину цыпочку», – с неудовольствием подумала она. Хотя что ей, собственно, злиться? Синичкин в свой законный выходной расслабляется с курочками. Подумаешь! Она-то на него какое имеет право?

Но все равно, когда Павел открыл дверь и Таня поняла, что он один, сердце радостно трепыхнулось.

Синичкин, увидев ее на пороге, просиял. Заулыбался, сжал в стальных объятиях:

– Ой, Татьяна, какими судьбами!

Она с удовольствием чмокнула Пашу в свежевыбритую, пахнущую хорошим лосьоном щеку. Улыбнулась:

– Ну, распугала я твоих девиц?

– Какие девицы? Один как перст! – фальшиво вздохнул Павел.

Но по легкому запаху духов в гостиной Таня определила: Пашина подружка ушла только что. Впрочем, еще раз: какое ей-то дело до его девиц?!

Она с удовольствием выпила кофе «а-ля Синичкин» – крепчайший напиток с большим количеством сахара. И, только сделав последний глоток, объявила:

– Похоже, Паш, у меня для тебя есть работа.

– Слушаю внимательно.

– Работа бесплатная. Но зато очень срочная. И очень опасная.

* * *

Когда выехали на Ленинградку, Таня сказала:

– Пашенька, скажи Валере, пожалуйста, что твоя машина сломалась. И ты попросил, чтобы я тебя до его дачи подвезла.

Синичкин нахмурился:

– Он запретил тебе приезжать?

«Когда не надо, Паша соображает мгновенно», – с неудовольствием подумала Таня.

– Да нет, не в этом дело, – сыграла она (кажется, убедительно). – Просто ему не хотелось, чтоб я моталась туда-сюда.

Синичкин недовольно покачал головой.

– Подставляешь ты меня, Татьяна.

– Наоборот, помогаю, – со всей возможной искренностью проговорила она. – Как бы ты без меня этот Валерочкин коттедж нашел? Там, когда с шоссе съедешь, очень сложно, сплошные развилки...

Павел снова нахмурился. Но машина уже летела в районе Водного стадиона – и что ему оставалось делать? Выспрашивать у Татьяны дорогу, потом отправлять ее назад, а самому голосовать – ловить частного на залитом солнцем проспекте.

те? И Павел только махнул рукой.

– И еще я тебя попрошу, – сказала Таня, переходя на пятую передачу. – Посматривай, пожалуйста, не едет ли за нами кто.

Павел пробормотал:

– Ну, ты артистка...

Однако все ж таки высунул руку в открытое окно и стал подстраивать под себя правое зеркальце заднего вида.

* * *

– Где она?

– Ее мы пока не нашли.

Дача наверняка напичкана микрофонами. И хотя генерал был уверен: ни у кого в отношении его нет никаких подозрений, все равно предпочитал не рисковать. Вдруг его решили послушать для профилактики – как время от времени слушали всех.

Поэтому они с Кобылиным прогуливались по асфальтовой дорожке, прихотливо извивающейся на территории участка среди самого натурального леса. Только трехметровый зеленый забор метрах в двадцати от них (да асфальт под ногами) напоминали о том, что они находятся на благороженной дачной территории.

– Вы ее ищете?

– Конечно.

– Плохо ищите.

– Делаем все, что можем.

– Нет, не все.

Генерал остановился – его собеседник тоже.

Генерал повернулся к нему – Кобылин покорно стоял, глядя в сторону.

«Шваль, – мелькнула гадливая мысль. – Впрочем... Разве у меня есть выбор?»

Он схватил собеседника за отвороты рубашки. Приблизил свое лицо к нему. Прошипел:

– Нет, ты не все делаешь, Кобылин. Не все! Знаешь, чем это для тебя кончится? Знаешь?!

Он постепенно начинал говорить все громче, распалаясь от собственной власти и безнаказанности.

– Ты у меня на нары пойдешь, Кобылин, понял?! На нары! Ты, кажется, забыл —**что**на тебе висит?! Забыл – кто твой бог и повелитель?! А?! Ну, отвечай! Кто твой бог и повелитель?!

– Вы, – покорно сказал тот.

– «Вы» – что?

– Вы, – жалко пролепетал Кобылин, – мой бог и повелитель.

– То-то.

Генерал почувствовал на секунду сладостное, почти оргастическое удовольствие от унижения собеседника. На душе полегчало. Наладилось дыхание, и день как будто бы

стал ярче, полыхнул всеми красками: изумрудной травой, лазурным небом, ослепительно белыми облаками.

Не оглядываясь на собеседника, генерал зашагал дальше. После вспышки гнева сердце билось чаще, а все тело заливало тепло. Собеседник семенил рядом, отставая от него на шаг.

– Три дня тебе даю, – уже спокойно сказал генерал. – Три. Найдешь мне толстяка и... – Он сделал паузу, глубоко вздохнул. – И девчонку. Девчонка важнее. Понял?

– Так точно.

– Что понял?

– Толстяк и девчонка. Девчонка важнее.

Генерал устало махнул рукой:

– А теперь ступай с глаз моих, Кобылин.

Собеседник тут же круто, как по команде «кругом», развернулся и быстро пошел по дорожке по направлению к воротам.

* * *

Таня и Павел прибыли в «укривище» Валерия Петровича Ходасевича в тот час, когда дачники уже снимались с мест – ехали по направлению к Москве. Шоссе в сторону столицы стояло наглухо.

– Люблю ездить против часа пик! – весело сказала Таня.

– Ты вообще все *против* любишь, – буркнул Паша. – Про-

тив правил, против того, о чем тебя просят...

– Молчи, философ, – беззлобно огрызнулась она. – За «хвостами» лучше посматривай.

До особняка добрались без приключений.

Когда Таня запарковала свою временную разъездную машину посередине шефского газона, на крыльцо особняка вышел отчим. В интерьере богатого «новорусского» дома он смотрелся вполне органично: этакий нефтяной топ-менеджер, которому выпало счастье разбогатеть на левых продажах «черного золота». Олицетворение сытости и благодати.

Однако когда он увидел падчерицу, его круглое лицо выразило крайнее неудовольствие.

– Здравствуй, Пашенька, – бросил он и протянул Синичкину руку.

– Здравствуйте, Валерий Петрович.

– Проходи в дом.

Татьяна замешкалась, выходя из машины (да и страшновато было являться пред очи отчима). Валерий Петрович не поленился, сошел с крыльца и потопал по направлению к ней. Синичкин тем временем исчез в доме.

– Я же просил, Татьяна, больше здесь не появляться, – ледяным тоном проговорил отчим. – У Пашки машина сломалась.

– Давай разворачивайся и дуй домой, – сухо приказал полковник Ходасевич.

На глазах у Тани закипели слезы.

– Ты что же, и чаем меня с дороги не напоишь?

– Не напою, – коротко и категорично ответил отчим и повернулся в сторону дома, показывая, что разговор окончен.

– Ах, вот как! – вскричала она. – Значит, когда тебе убежище нужно – тогда «Таня, помоги»?! А как получил свое – так «пошла вон»?! Так, да?!

Выкрик ее получился совсем детским, и Татьяна осознала это, но очень уж оскорбительным показалось ей поведение отчима. И чрезвычайно обидно было уехать, так и не узнав, в чем дело.

Что заставило всесильного (как ей казалось) полковника бросить свою любимую квартиру и искать пристанища в чужом доме? За что убили Гараняна? Что отчим и Армен раскопали в уголовных делах? Зачем Валере понадобился Пашка? И что они с ним вместе затевают?

Валерий Петрович снова повернулся к ней.

– Татьяна, слушай меня внимательно, – спокойно и строго проговорил он. В редчайших случаях – по пальцам одной руки можно было пересчитать! – Валера называл ее не Танюшкой, не Танечкой, а официально: Татьяной. Так он говорил, только когда был не на шутку рассержен.

– Татьяна, не хочу повторять. Это взрослые игры. Очень опасные игры. Тебе здесь нечего делать.

Он развернулся и пошел к дому. И Таня поняла, что никакие ее крики или слезы не смогут заставить отчима переменить свое решение.

Валерий Петрович, ни разу не обернувшись, исчез в особняке – в своем убежище, которое, между прочим, нашла для него она.

«Ах так! – опять по-детсадовски воскликнула она и закусила губу. – Ну, мы еще посмотрим!»

Таня снова уселась за руль разъездной «девятки». Вытянула до отказа подсос. Подкачала педалью бензин. Повернула ключ зажигания. «Тых-тых-тых», – пропыхтел стартер, а потом, как и следовало ожидать, машина, захлебнувшись бензином, заткнулась. Таня еще раз, обмирая («Только б не завелась!»), крутанула стартер. Слава богу, никакого результата.

Тогда она с чувством выполненного долга открыла капот. Надела нитяные перчатки – не дай бог попортить маникюр. Оглянулась: не видно ли ее манипуляций из дома.

Кажется, видно не было. Поднятый капот заслонял ее от нескромных взглядов из окон.

Тогда она выдернула центральный провод из крышки трамблера. Другой его конец вытащила из катушки зажигания.

Провод оказался у нее в руках.

Она еще раз оглянулась на дом: похоже, мужчины отправились пить чай на кухню, а окна ее выходили на противоположную сторону. Татьяна размахнулась и зашвырнула провод в кусты. Получилось далеко – недаром она играла в теннис. На всякий случай она постаралась запомнить место па-

дения.

Затем она уселась за руль с приятным чувством выполненного долга: терзать аккумулятор дальше.

...Примерно на пятнадцатом бесплодном прокруте стартера из дома вышел Паша.

С псевдонедовольным лицом прошагал по лужайке к машине. Таня выскочила из-за руля, воскликнула:

– Что-то не заводится!

А когда Павел оказался совсем рядом, приникла к нему и зашептала:

– Пашенька, Пашуня, пожалуйста! Не выдавай меня!

Расчет ее был на то, что отчим в устройстве двигателей внутреннего сгорания все равно ни бельмеса не смыслит...

...И этот расчет блестяще оправдался.

Через десять минут Татьяна уже смиренно сидела в уголке огромной буржуинской кухни, скромненько прихлебывала чай с сухариками и делала вид, что нисколько не интересуется разговором, который ведут мужчины. Хотя ушки у нее, конечно, были на макушке.

Жаль только, что она не застала начала беседы. Но, слава богу, отчим не отправил ее куда-нибудь в гараж под замок. А то с него станется. Комитетчик, блин! Первая форма секретности!.. Татьяна до сих пор злилась на него.

Но, по правде говоря, одновременно и радовалась: мужики все ж таки оказались джентльменами. И, коль скоро она проникла в дом, не стали отсылать ее, как семилетнюю дев-

чонку, в дальнюю комнату. Разрешили присутствовать при разговоре. А следственно, не мытьем, так катаньем она вот-вот узнает, какое такое «дело номер триста шесть» заставило Валерочку скрыться из собственного дома. Что он, спрашивается, такого нарыл? А главное, что именно отчим вместе с Пашкой собираются предпринять?

Павел спросил, намешивая себе очередную бадью кофе:

– Откуда они узнали, что вы, Валерий Петрович, вышли на след?

«Кто это, интересно, *они*?»

– А они и *не* узнали, – спокойно отвечал отчим, посасывая сигарету.

«Ох, задаст мне генеральный перцу, – подумала Таня, – когда Валерочка его особняк прокурит!»

– Тогда почему они «запалили» конспиративную квартиру? – спросил Пашка. – И почему ждали вас около вашего дома?

– Потому же, почему они убили Гараняна, – пожал плечами Валера.

– Действительно, почему?

«Да, он, конечно, туповат, этот Пашка, – подумала Таня. – Я бы сразу обо всем догадалась. Конечно, если бы обладала информацией в полном объеме».

Отчим покосился на Татьяну. Та сделала вид, что смотрит в окно и разговором мужчин ничуть не интересуется. Валера проговорил:

– События развивались, я подозреваю, следующим образом. *Некто* узнал, что определенные уголовные дела запрошены комитетом...

Валера называл ФСБ по старинке комитетом.

– И не просто комитетом, – продолжал он, – но конкретно – Гараняном. В каких-то из дел содержалась информация, компрометирующая этого *некто*. Seriously компрометирующая. Угрожающая ему гибелью...

Отчим затушил одну сигарету и тут же закурил другую. Стал расхаживать по кухне.

– Причем данная информация содержалась в этих документах в неявном виде, – произнес он. – Между ними, этими делами, существовало что-то общее. Об этом мне и Гаранян говорил... И ее, эту связь, можно было заметить... Обнаружить... А можно и *не* заметить. В МВД, похоже, ее не заметили... Или не захотели.

– А вы? – воскликнул Пашка.

– А я... – Отчим покосился на Таню. – Я не знаю.

Татьяна поняла: он чего-то недоговаривает. Может, потому, что она здесь. А может, Валерий Петрович не до конца доверяет Пашке. Даже Пашке. Или просто считает, что выдавать лишнюю информацию преждевременно.

– Значит, запрошенные дела угрожали этому *некто* гибелью? – спросил Павел.

– Думаю, да.

– И он узнал, что дела запросила ФСБ?

– Именно.

– Кроме того, *некто* выяснил, что новым расследованием занимались конкретно вы с Гараняном?

– Ты все правильно понимаешь, Пашенька.

– И он убил Гараняна и стал преследовать вас?

– Так точно.

– Значит, – заключил Павел, – он, этот *некто*, человек, во-первых, чрезвычайно информированный. Во-вторых, влиятельный. А в-третьих, ему подчиняются настоящие отморозки. Раз уж они убили Гараняна.

– Bravo, Паша. Ты стал прекрасно логически мыслить.

Если в голосе Валерия Петровича и прозвучала ирония, то она была настолько тонкой, что ее заметила одна лишь Таня. Но не Паша.

– Спасибо. Ваша, Валерий Петрович, школа.

Синичкин был как никогда серьезен.

Таня еле удержалась от смешка.

Паша стал развивать свою мысль дальше.

– Значит, этот *некто* — кто-то из руководства нашего МВД, – проговорил он. – Или *вашей* ФСБ.

Несмотря на то что они оба давным-давно не служили в ФСБ и в МВД, Павел до сих пор оперировал понятиями «*наше* министерство», «*ваш* комитет».

– Не факт, Пашенька, – покачал головой отчим.

– Почему же не факт?! – Синичкин, показалось Тане, был поражен до глубины души. – Кто еще мог о делах узнать? А

потом подослать к Гараняну и к вам отмороzków?

– Вот это меня и смущает, – выдохнул очередную порцию табачного дыма Ходасевич.

– Что?

– Отморозки.

– В смысле?

– А в том смысле, что отморозки в ФСБ не служат.

– Пожалуй, нет, – согласился Синичкин.

– В милиции, как я понимаю, тоже, – продолжил полковник.

Его ирония наконец дошла даже до толстокожего Пашки.

– Еще как служат, – ухмыльнулся он.

Отчим стал донельзя серьезным и пристально посмотрел на Синичкина.

– А как ты себе реально представляешь ситуацию? Генерал милиции вызывает майора спецназа и приказывает ему замочить двух полковников ФСБ?

– Именно так это я себе и представляю, – буркнул Павел.

– Н-да... К сожалению, не так уж невероятно. Вполне может быть...

– Вот-вот, – вставил Синичкин.

– Но ведь возможны и другие варианты... – задумчиво сказал Ходасевич.

– Например?

– Например, в МВД или в ФСБ сидит «крот».

– Чей «крот»?

– Не знаю. Полковник Ходасевич выдержал паузу, раскурил еще одну сигарету и махнул рукой:

– Работать он может на кого угодно. На главаря преступной группировки. На Администрацию президента...

Отчим встал, в задумчивости стряхнул пепел прямо на пол, прошелся по кухне. Продолжил:

– Он может работать и на Федеральную службу охраны. И на Службу внешней разведки. Наверху, знаешь ли, все следят за всеми...

– Ну и что мы имеем при таком раскладе?

– Допустим, именно «крот» сообщил своим хозяевам о нашем с Гараняном интересе к делам. А он, этот «крот», может оказаться кем угодно. Секретаршей. Фельдъегерем. Архивариусом... Правильно я рассуждаю? – отчим задумчиво задал риторический вопрос. И, хоть он и не нуждался в одобрении, Паша брякнул: «Правильно». (Таня сочла за благо отмолчаться.)

– Итак, – Валерий Петрович продолжал мерить шагами кухню, – этот «крот» настучал на меня с Гараняном своим хозяевам. И они начали действовать. Сначала убрали Армена. А теперь пытаются ликвидировать меня... Как ты считаешь, возможен такой вариант?

Синичкин нехотя согласился:

– Возможен. – И, подумав, добавил: – Но версия о «кроте» сильно расширяет круг подозреваемых.

– К сожалению, да, – кивнул отчим.

И тут Татьяна не удержалась. Она выпалила со своего места в уголке («Лучше б уж сидела тихо, дура!»):

– Значит, нужно идти другим путем! Надо, Валерочка, выяснить, что связывает между собой те уголовные дела, которые ты изучал!

Отчим медленно и недовольно стал разворачивать к ней свою объемистую тушу.

– И я не верю, Валерочка, – Татьяна все-таки прокричала свою мысль, пока тот не перебил ее, – чтобы ты, когда просматривал дела, ни о чем не догадался!

Повисла неловкая пауза. Отчим посмотрел на Таню с выражением: откуда ты, мол, вообще тут взялась? Затем перевел взор на Синичкина и досадливо проговорил:

– Я тебя прошу, Паша. Очень прошу. Почини ты в ее колымаге то, что она там испортила. – И обратился к Тане: – Помнишь такую английскую поговорку: любопытство сгубило кошку?

Та повесила голову.

– Я тебе, Татьяна, советую, – продолжил полковник. – Нет – приказываю... Нет, даже умоляю: не уподобляйся ты той самой кошке. Езжай домой. Подобру-поздорову.

– Пока жива, – поддакнул Пашка.

... Через пятнадцать минут все было кончено. Татьяна рулила на своей колымаге в сторону дома. Отчим и Павел остались на даче обсуждать свои важные дела.

«Шовинисты! – восклицала Таня в адрес мужчин первую

половину дороги, все время, пока ехала в толпе дачников по загородным трассам. – Конспираторы! Шпиономаны!»

Однако, когда она миновала развязку с Кольцевой дорогой, направление ее мыслей переменилось. Она сказала самой себе: «А ведь все равно они без меня не обойдутся!»

Таня не знала, по какой причине мужчины обратятся к ней за помощью и за какой конкретно, но она это предчувствовала. И потому сразу повеселела.

Глава 3

СЕДЬМОЕ ИЮЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Слежку за собой Таня заметила утром.

Она ехала на работу и слушала «Рамштайн». «Ду-хаст! Ду-хаст!» – разрывался машинный магнитофон. Бедному маленькому «пежику» и соседям по пробкам эта музыка не нравилась, зато Таню безумные вопли немецкой группы настраивали на решительный лад. Решительность ей сегодня ох как понадобится – когда на презентацию пивной рекламы явится заказчик и начнет возмущаться, что «агентство известное, а наворотили полную чушь».

Таня была вся в своих мыслях и потому обратила внимание на машину, следующую за ней сзади, уже в самом центре, когда ехала по Котельнической набережной.

Неприметная темно-синяя «Дэу Нексия». Тащится за ее «Пежо» с самого Рязанского проспекта. Тонированные стекла «Нексии» наглухо задраены – очевидно, внутри работает кондиционер. Стекла затонированы так сильно, что даже лобовое отливает синим – поэтому разглядеть, кто сидит в машине, нет никакой возможности.

Может, это случайность? Совпадение? А может, дорожный Казанова желает познакомиться?

Но моторизованные донжуаны обычно всячески стараются обратить на себя внимание избранной девушки. Этот водитель держался тихо, как мышка, и никакого очевидного интереса к Татьяне не проявлял.

На перекрестке у Яузы, у высотного здания, Таня остановилась на светофоре в правом ряду. Она оказалась на стоп-линии первой. «Нексия» притулилась сзади, за три машины до нее.

– Ну, поглядим, что вы за фрукты, – вслух прошептала Татьяна.

Ее «пежик», хоть и был уже совсем не нов, разгонялся – дай бог любой «бээмвэхе». Машина весом всего-то восемьсот кило (плюс пятьдесят Таниных) брала с места суперрезво, обставляя неповоротливые джипы и «Ауди».

Таня заранее отжала сцепление и воткнула первую передачу.

Она ездила этим маршрутом на работу уже три года и потому примерно знала – чувствовала! – когда на каждом светофоре на ее пути зажжется разрешающий сигнал.

Вот и сейчас: едва мигнул красный, Таня тут же задала шпор своему железному коню. «Пежик» так и прыгнул вперед. Тане почудилось, что преследующая ее машина укориженно прошептала: «Ну вот. Сначала «Рамштайном» меня травишь, а теперь гонками».

Татьяна успокаивающе погладила «пежика» по кнопке гудка и выжала газ до упора. Вторая передача, третья...

На спидометре сорок, шестьдесят... Впереди – пустое пространство. Машины, стоявшие вместе с ней на светофоре, остались далеко позади. Ничто не мешало ей разгоняться. Четвертая передача! Скорость – восемьдесят!

В зеркало заднего вида Таня заметила: «Нексия» увидела ее бегство и заметалась в потоке, пытаясь настичь улетающего «пежика». Вот машина преследователей опасно перестроилась, подрезала джип – тот обиженно загудел. Еще одно перестроение...

– А водитель у этой тачилы совсем неплох, – прошептала Таня.

Она неслась по правому ряду мимо военной академии. Мелькали решетки и колонны.

Впереди, на перекрестке с Китайгородским проездом, горел красный. У светофора сгрудилось железное стадо автомобилей.

«Нексия» сзади еще раз лихо перестроилась и, кажется, успокоилась: люди в ней заметили ярко-красный «Пежо». Таня сбросила скорость. Она не собиралась больше гнать. Сомнений не было: «Нексия» и в самом деле ехала за ней.

– Что и требовалось доказать, – прошептала она.

...Всю дальнейшую дорогу Таня видела, что «Нексия» держится сзади. Корейская машина повернула за ней направо у Большого Каменного моста. Затем не свернула, как многие, налево на Новоарбатский проспект, а потащилась вслед за Таней на Манежную...

Да, сомнений никаких не было. Это слежка. Но кто? И зачем? Справа промелькнул Манеж и башни Кремля, слева – факультет журналистики с чугунным Ломоносовым, потом родной психфак... Успокоенная «Нексия» тащилась за Таней, соблюдая дистанцию в две-три машины.

На следующем светофоре, возле здания Госдумы и пока еще не снесенной гостиницы «Москва», Тане надо было сворачивать налево, на Тверскую.

Однако она пробормотала: «Ну, мы еще посмотрим, кто кого» – и круто взяла вправо. Поперек всему потоку, уходящему по направлению к Большому театру, – четко, аккуратно и никого не подрезая – перестроилась в крайний правый ряд. И тормознула у угла гостиницы «Москва».

Здесь, напротив Думы, днем и ночью торчали милиционеры. И сейчас они, конечно, были на посту.

Татьяна выскочила из машины, даже не заперев ее, и кинулась к ближайшему стражу порядка.

– Товарищ майор! – закричала она (хотя и видела, что постовой всего лишь лейтенант). – Товарищ майор! Они меня преследуют!

«Майор»-лейтенант поднес руку к околышу фуражки и отрапортовал, невнятно проборматывая звание:

– Бур-бур-бур Кошкарев, второй отдельный батальон ДПС.

– Они едут за мной! – истерически кричала Таня. – Подрезают меня! Вон те, на «Нексии»!

Таня затыкала пальцем в машину, как раз проезжавшую мимо. Поток уносил автомобиль преследователей прямо, в сторону Большого театра и «Метрополя». Таня, естественно, не видела, что происходит за тонированными стеклами, но готова была поклясться, что неведомые ей пассажиры головы свернули, пляясь на нее рядом с милиционером.

– Вон она, вон! Вот эта «Нексия»! – кричала Таня. – Они мне прохода не давали! Остановите их!

– Девушка, давайте успокоимся. Мы разберемся, – проговорил лейтенант-майор Кошкарев.

– Это хулиганы! Бандиты! Свистите им! Свистите!

– Девушка, давайте напишем объяснение.

Татьяна видела: «Нексия» не решилась остановиться в виду поста. Она уже подъезжала к светофору у гостиницы «Метрополь». Теперь преследователям некуда было деваться – только подниматься вместе с потоком вверх, к Лубянке.

– Какое объяснение, товарищ майор! Они уехали! А я на работу опаздываю!

– Что вы предлагаете?

Таня решительно сменила тон.

– Ничего не предлагаю. Просто хочу вам спасибо сказать. За то, что вы здесь стояли. За то, что выслушали. И за то, что помогли.

– Да чем же я вам помог?.. – вдруг смутился гаишник.

Таня промурлыкала:

– Ну, как... Выслушали. Не погнали.

– Так, вы запомнили номер этой «Нексии»? – оживился гаишник.

– Да ладно, бог с ней, с «Нексией», – вздохнула Таня. – Первый раз, что ли? Наверно, я им просто понравилась...

По глазам милиционера Таня читала: ему она нравится тоже. Она сказала:

– Знаете, что? А вы лично как-нибудь могли бы мне позвонить.

«Гаишник» опешил, а Таня протянула ему свою визитную карточку.

«Лишний приятель в ГАИ еще никогда никому не мешал», – подумала она.

Гаишник глянул на визитку.

Рекламное агентство «Пятая власть»

ТАТЬЯНА САДОВНИКОВА

Творческий директор

Кандидат психологических наук

– А теперь пожалуйста! Пожалуйста! – проворковала Таня «гаишнику», обалдевшему от смены тональности и ритма разговора. – Помогите. Мне надо повернуть на Тверскую. Представляете, что будет, если я сейчас потащусь до разворота? Тогда уж я точно опоздаю. И на работе меня прикончат!

Таня видела: «Нексия» уже далеко, она поднимается к Лубянке.

Милиционер с головы до ног осмотрел Татьяну: длинные ноги, стройная фигура, синие глаза, – а потом засвистел и с жезлом наперевес бросился останавливать поток.

Таня уселась в «пежик». Сделала менту ручкой и очаровательно улыбнулась. А потом заложила на своей машине-малютке вираж и, словно какой-нибудь депутат, мимо нетерпеливо замершего стада автомобилей триумфально выехала на Тверскую.

* * *

Когда Татьяна добралась до офиса, приключение с «Нексией» перестало казаться ей забавным. Ее начала бить дрожь.

«Кто это? – все думала она. – И почему они ехали за мной, но остановить не пытались?»

То, что слезка за ней связана со вчерашним покушением на Валеру, никаких сомнений не вызывало. «Значит, все и правда серьезно. Значит, *они* надеются, что я приведу их к Валере».

После утреннего приключения Тане было совсем не до работы. Даже презентация рекламной концепции пивному заказчику (которая еще недавно казалась ей такой важной) отступила куда-то далеко-далеко.

И дизайнер Артем, и копирайтер Мишка так и вылупились на Татьяну, когда та явилась наконец в агентство: всего

за пять минут до прихода важнейшего клиента.

– Татьяна Валерьевна! Почему вы так поздно?

– У вас что-то случилось?

Больше всего на свете Тане хотелось гаркнуть: «Случилось!» А потом – хлопнуть дверью и убежать из «Пятой власти» куда глаза глядят. Но это было чувство. А разумом она понимала, что поступить так не выход. И еще одно она хорошо понимала: сейчас совсем не время поддаваться эмоциям.

Артем и Мишка пребывали в недоумении. Было чему изумляться. Начальница удрала вчера в разгар обсуждения проекта, и с тех пор от нее ни слуху ни духу. Ничего не проконтролировала и даже не позвонила! Поздно ночью, говорят, снова появлялась в офисе, но только за тем, чтобы поменять разъездную раздолбайку на своего «пежика». И даже наверх не поднялась, не глянула, что они без нее напридумывали.

И это называется креативный директор!

Да и сейчас Михаил с Артемом уже развесили эскизы, мучаются от волнения, вот-вот заявится важный заказчик, а Татьяна прибегает за пять минут до «дэд-лайна», и лица на ней нет. И явно она волнуется по каким-то своим, личным причинам. И нет у нее ни малейшего интереса к тому, что они вчера наработали!

Дизайнер и копирайтер переглянулись. Да, будет о чем посудачить в корпоративной столовке. Будет что доложить генеральному, когда тот вернется из своих отпусков!

Но обсудить неадекватное поведение начальницы они не успели. Тут же, следом за Садовниковой, в агентство пожаловали заказчики. Директор пивоваренной компании, а с ним – его бренд-менеджер и еще какая-то сошка помельче. А креативный директор Татьяна – нет чтобы бежать сломя голову навстречу кормильцу – приникла к окну, стоит и сквозь жалюзи смотрит на улицу...

Ну и Садовникова! Она, похоже, умом тронулась! Явно тронулась.

...Таня последний раз оглядела улочку перед агентством. Никаких подозрительных машин не увидела. Все, что припаркованы, пусты и без всякой дурацкой тонировки. И никаких странных празднующихся людей под окнами.

Ее это слегка успокоило. «Неужели оторвалась?» – подумала она. Наконец отвернулась от окна, надела на лицо вымученную улыбку и поспешила навстречу заказчику.

– Аристарх Романович! Рады видеть вас! Проходите, пожалуйста, сюда, в переговорную. Что будете пить? Кофе, чай, минералку? Или, может быть (заговорщицкая улыбка), пивка?

– С утра пиво не пью! Даже свое, – хохотнул Аристарх.

Он одобрительно поглядывал на Танины стройные ноги и, похоже, изо всех сил сдерживался, чтобы не цапнуть ее за коленку. Чисто по-дружески, в виде приветствия.

Гости расселись на почетные места за овальным переговорным столом – важный малыш-директор Аристарх Рома-

нович с пивным брюшком, разумеется, во главе. Секретарша Наташка притащила им напитки.

Артем и Мишка маялись возле досок с эскизами плакатов, раскадровкой будущих рекламных роликов. Неужели, читалось на их лицах, Татьяна даже одним глазком предварительно не глянет на то, что они вот-вот будут презентовать заказчику?

– Дорогие друзья! – лучезарно обратилась Садовникова к пивному королю и свите (на макеты и эскизы даже не посмотрела!). – Сейчас мы представим вам наши идеи по раскрутке вашего замечательного бренда. Не буду многословной. На мой взгляд, у нас получилось неплохо. Вернее, получилось замечательно, великолепно!.. Давайте поэтому сразу перейдем к делу. Я передаю слово для презентации проекта самым лучшим, самым талантливым авторам нашего агентства – Артему и Михаилу.

В рядах «лучших» возникло замешательство. Потом Мишка толкнул Артема и с обреченностью приговоренного прошипел: «Давай!»

– Господа! – Тема занял место у досок с раскадровкой.

Голос его дрожал. Пивной король Аристарх наблюдал за ним, хмурясь. Татьяна поощрительно улыбнулась Артему.

– Господа! – еще раз повторил Тема. – Ваше пиво... То есть, простите, наше общее пиво, – заказчик снисходительно улыбнулся, – называется «Глоток». Именно от этого названия – этого прекрасного, яркого бренда, – бренд-мене-

джер самодовольно улыбнулся, очевидно, название «Глоток» придумал он, – мы и отталкивались, создавая концепцию рекламной кампании... Чтобы не быть голословным, перейду к раскадровке будущего рекламного ролика.

Артем взял указку и повернулся к эскизам.

– В первом кадре мы видим крупным планом лицо мужчины. Оно грустно. За кадром звучит меланхоличная музыка... Далее, – Артем ткнул указкой во второй кадр, – следует сверхкрупный план – глаза мужчины. Они полны неизбывной тоски. Звучит закадровый голос: «Бывают минуты, когда жизнь перестает тебя радовать...»

– Да он с похмелья, – раздался звучный голос заказчика и его залиvistое ржание. Собравшиеся верноподданнически поддержали пивного короля смехом – правда, довольно нервным.

Когда хохот стих, Таня вкрадчиво сказала:

– Вот, Аристарх Романович, в этом и суть. Человеку плохо, у него неприятности, жена ворчит, похмелье... А тут – ваш «Глоток». Очень кстати. Давай дальше, Артем.

Тот, взволнованно потирая лицо, продолжил:

– Далее появляется – крупным планом – бутылка ледяного пива. Названия его мы пока не видим... Меланхолическая музыка за кадром незаметно сменяется мажорной... Потом слышится звук открываемой бутылки. «Чпок!» Затем, сверхкрупно, бурлящее золотистое пиво наливается в стакан...

Тема водил указкой по раскадровке, отчаянно кося в сторону заказчика.

Лицо пивного короля Аристарха оставалось непроницаемым. Татьяна Садовникова сидела с отстраненным видом, будто она здесь вовсе ни при чем.

– ...Начинает звучать бодрый закадровый голос, – продолжал Артем с упорством обреченного. – *«...Но для того, чтобы все изменилось, нужен один «Глоток!»* Мы видим на экране, крупным планом, запотевшую бутылку с вашей фирменной этикеткой. Музыка за кадром перерастает в браваурную. На экране появляется лицо мужчины. Он удовлетворенно крякает и вытирает с губ пивную пену. Лицо его выражает полное довольство. Сверхкрупный план – веселые, радостные глаза мужчины. Он счастлив!.. Одновременно звучит закадровый голос. Он произносит слоган всей будущей компании: *«Один «Глоток», и все в порядке!»*

Артем остановился. Пивной король Аристарх сидел с угрюмым видом. Садовникова напряглась.

Мишка зажмурился. Губы его шевелились. Кажется, он молился.

Вдруг в наступившей тишине раздались мерные хлопки. Один, второй, третий...

Татьяна оглянулась. Аплодировал пивной король.

– Bravo! – сказал он. И повторил еще раз: – Bravo! – И добавил: – Молодцы! – А потом резюмировал, со всей весомостью, на которую способны только богатые люди: – Это имен-

но то, что нужно!

Артем просиял детской улыбкой.

– Мы подготовили и другие варианты!.. – пискнул было он, но Мишка наступил ему на ногу, а Татьяна сделала страшные глаза. И Артем заткнулся.

– Очень, очень хорошо, – проговорил заказчик, нагибаясь через стол к Татьяне и пытаясь поцеловать ей ручку. – Я доволен. – Его пивное пузцо цеплялось за край стола.

Татьяна царственно протянула ему руку для поцелуя.

– Я рада, что вам понравилось, – промурлыкала она. – Мы старались.

Заказчик встал.

– Сколько будет стоить клип? – словно невзначай спросил он Таню.

– Около ста тысяч долларов, – не моргнув глазом заявила она, завышая цену по меньшей мере в два раза.

– Такие деньги не проблема, – снисходительно бросил пивной король Аристарх. – Готовьте контракт. Детали согласуете с моими финансистами и вот с этим парнишкой.

Он пихнул в бок своего бренд-менеджера в костюмчике от Версаче. Тот вымученно улыбнулся.

– Молодцы! – еще раз сказал заказчик и царственно понес свое пузцо к выходу. Свита посеменила за ним.

– Молодцы, ребята! – в тон пивному королю громко бросила Таня Артему с Мишкой. – Вот что значит правильно развить идеи начальства! – А потом добавила шепотом: –

Каждому премия в размере оклада. И бесплатный тур в Испанию.

Дизайнер с копирайтером расплылись в довольных улыбках.

У выхода она церемонно попрощалась с заказчиками – причем пивной король, на голову ниже Тани, все пытался ее облапить и чмокнуть в шею.

Заказчики направились к лифту.

Таня повернулась, чтобы идти к себе. С лица ее спала вымученная деловая улыбка, а глаза засветились неподдельной радостью.

– Йес!! – прокричала она.

Затем бросила секретарше Наташе:

– Мне кофейку!

А потом Артему:

– А ты беги за пирожными!

И прошла в свой кабинет.

Как бы между делом, словно по привычке, выглянула в окно.

Выглянула – и вздрогнула.

Прямо напротив подъезда стояла «Нексия». Та самая, от которой Таня оторвалась было на Манежной площади.

Темные окна машины были наглухо закрыты. Мотор работал.

Значит, внутри автомобиля кто-то сидел.

Таня отпрянула от окна и бросилась в коридор.

– Аристарх Романович! Аристарх Романович! – закричала она вслед пивному королю.

Тот со свитой стоял возле лифта, ведущего в подземный гараж.

Таня со всех ног кинулась к нему.

Дизайнер Тема, копирайтер Мишка и секретарша Наталья удивленно смотрели ей вслед.

* * *

Таня стояла в телефонной будке у метро «Маяковская».

Солнце шпарило вовсю. Поток машин, ползущих по Тверской, чадил выхлопными газами.

Свой мобильный телефон Таня оставила в ящике рабочего стола.

Она не такая широкая душа, как отчим. Не будет швырять мобильники в мусорный ящик. Сотовый ей еще пригодится, когда вся эта история закончится.

Она покинула агентство в «Мерседесе» пивного короля Аристарха Романовича.

Диалог у лифта получился что надо:

– Аристарх Романович, подвезите меня, пожалуйста!

Будто она не креативный директор, а какая-то профурсетка с Тверской.

Тот так и засиял своими масляными глазками:

– Всегда рад вам услужить, Татьяна Валерьевна.

Чего он, интересно, возомнил? Что она отдастся ему прямо в машине?

А какими бешеными глазами смотрели ей вслед коллеги – Наташка, Мишка, Артем! Действительно, что за вопиющее нарушение деловой этики! О чем они там, в машине, будут стговариваться? О размерах «отката»? Или о любовном свидании?

Плевать на коллег! Главное, как Таня и рассчитывала, «мерс» у Аристарха оказался с тонированными стеклами. Поэтому когда они вырулили из гаража, люди из «Нексии» не обратили на него ни малейшего внимания.

Она выскочила из «мерса» пивного магната на Маяковской – через три квартала, намного раньше, чем планировала, потому что Аристарх развил бешеную активность: сразу принялся хватать ее за коленки. Таня не сердилась, просто изящно, но решительно скидывала потные ручонки со своих ног. Пусть порезвится, ей не жаль. Никакого насилия, Таня знала, Аристарх не допустит. А коленки... Да бог с ними. Пусть смешной толстячок хоть на пять минут почувствует себя Дон Хуаном. Можно потерпеть: за крупный заказ, а главное – за то, что он помог ей выбраться из «Пятой власти».

Таня была уверена: теперь-то за ней уж точно никто не следит.

Она вошла в телефонную будку. Карточка у нее была с собой – еще вчера купила, чтобы звонить Синичкину не с

мобильника, а с городского таксофона.

Сперва Таня позвонила на работу, которую только что покинула.

– Наташа, – строго сказала она секретарше, – я беру отпуск на неделю.

– Романтическое путешествие? – ехидно промурлыкала Наталья, явно имея в виду ее неожиданное бегство с Аристархом.

– Семейные неурядицы, – сухо отбрила Татьяна. – У меня там отгулов накопилась чертова гора. Оформи, пожалуйста, мне отпуск с завтрашнего числа.

Ну, теперь точно: в «Пятой власти» все будут уверены, что пивной король Аристарх умчал ее в Париж или на Сейшелы. Во разговоров будет!

Ну и фиг с ними. Таня положила трубку. Надо бы позвонить на дачу Валере... Она уже сняла было трубку. Но потом повесила ее назад.

Нет, такого рода беседы по телефону не ведут.

Таня вышла из будки и скрылась в душном полумраке метро.

* * *

Через час она уже звонила в ворота особняка, временно оккупированного отчимом.

От станции за Татьяной никто не шел. В этом она была

совершенно уверена.

Коттеджный поселок был тих и пустынен. Ни единого человека на улицах. Только из-за одной ограды слышны тугие удары бадминтонной ракетки, взлетает воланчик, разносятся азартные выкрики, визг и детский хохот...

Сразу после того, как Таня позвонила в калитку, на нее уставилась висевшая наверху забора видеокамера. Надо же, отчим сумел разобраться с наружной системой наблюдения!

Тане показалось, что камера смотрит на нее строго-взыскательно, как иногда умел смотреть отчим: чего, мол, заявила? Она немедленно приняла смиренный вид.

Щелкнул замок, и Таня вошла в калитку.

Прошла по газону к дому.

Отчим встречал ее на крыльце.

– Что-нибудь случилось? – вместо приветствия спросил он.

– Случилось, – ответила Таня, а затем выпалила заранее подготовленную фразу: – Знаешь, Валерочка, я не люблю, когда меня используют втемную. Тем более – родные люди.

– Проходи. – Отчим хмуро распахнул перед ней дверь.

Закончила свой заготовленный спич Таня уже в прихожей:

– ...Поэтому я прошу тебя: расскажи мне все. Пожалуйста.

Ходасевич вздохнул и мрачно сказал:

– Значит, все-таки что-то случилось.

* * *

После того, как они попили кофе и Таня доложила отчиму о своих утренних приключениях, Валерий Петрович пригласил ее в гостиную. На удивление, он легче легкого разобрался с системой управления Hi-End аппаратуры, поэтому вскоре дом затопили чистейшие звуки Вивальди. Музыкальный вкус у отчима был непритязательный, и далее «Времен года» он не продвинулся.

– От тебя очень легко протянуть ниточку к этому особняку, – задумчиво сказал Валера, погрузившись в кресло. – Кто знает о том, что начальник поручил тебе сюда наведываться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.